

РИВАЛДО: ПОБЕДА НАД СУДЬБОЙ

От переводчика. С легкой руки Пеле, сорок лет назад изложившего с помощью журналистов историю своего восхождения к вершине славы, новые звезды спешат увековечить себя на поле книгоиздательства задолго до окончания футбольной карьеры. По этим стопам пошел и Ривалдо Витор Борба Феррейра, известный больше по первому имени, форвард «Барселоны» и сборной Бразилии, лучший футболист мира 1999 года, обладатель «Золотого мяча» и множества других индивидуальных призов, что особо ценится в его виде спорта, где победы достигаются за счет коллективных усилий. Книга, вышедшая в середине 2001 года под заголовком «Ривалдо: победа над судьбой», заранее обещает повествование о сложном пути к триумфу на поле и миллионам в банке, о чем автор говорит уже «в первых строках своего письма». Приступим к чтению наиболее интересных фрагментов книги.

Перевод Льва КОСТАНЯНА.

МИР ГЕРОЕВ И ОТВЕРЖЕННЫХ

Рассказ о жизни футболиста, признанного ФИФА лучшим игроком мира в 1999 году, как бы предопределяет счастливый финал, сводя роль главного действующего лица к упоминанию о мелких трудностях, легких сомнениях, в итоге никак не помешавших добиться триумфального успеха. Однако в моем случае ничто не предопределяло спокойную, благополучную жизнь. Детство состояло из борьбы за выживание, а вся последующая футбольная карьера — это череда сопротивления неблагоприятным обстоятельствам вплоть до подписания моего последнего контракта. Отнюдь не легко достался мне и «Золотой мяч» 1999 года, а девяносто минут каждой игры всегда требовали самообладания и мужества плюс потом многих часов похмелья от этих встреч — и так на протяжении долгих лет. Признаюсь, меня много раз посещала мысль, что единственным выходом могла быть только смена обстановки и занятие каким-нибудь другим делом.

Если что-то и вело меня по улицам футбола, так это неожиданности, сопровождаемые чаще противоречиями и сомнениями, нежели ясностью и положительными эмоциями. Приученный встречаться с проблемами, отнюдь не ища их, я пришел к заключению, что мир футбола состоит больше из отверженных, чем из героев, и я нахожусь скорее среди первых, чем вторых. Наверное, во многом виноват мой менталитет бразильца.

Последней каплей, вынудившей утвердиться в этом убеждении, стал переполох, который вызвала в Барселоне злополучная поездка в Бразилию в октябре 2000 года. На самом деле с разрешения тренера я отправился на медицинское обследование, проводимое Бразильской конфедерацией футбола.

Уже в Бразилии я прослышал, что пресса проявила болезненный интерес к моему отсутствию. Не в моих привычках игнорировать средства массовой информации, и потому атаки издали — из самой Испании — быстро достигли цели. Я узнал много нового, отнюдь не приятного, в том числе и из интервью, которых никогда не давал.

Конечно, пресса — далеко не основной источник моих проблем, хотя нельзя сказать, что она их не провоцирует. А в данном случае просто не следовало журналистам базировать свои выводы на догадках, обратились бы за разъяснением в департамент печати «Барсы» и к официальному его представителю. А так теоретически вполне оправданная поездка в Бразилию подверглась всеобщему осуждению, а сам я причислил эту свару к длинному шлейфу невезений, который тянется с того первого дня, когда я впервые надел бутсы.

По возвращении, еще перед тренировкой, которую я проводил в одиночестве, меня предупредили, что надо предстать перед журналистами в пресс-службе «Нью Камп». Когда пришел, телевизионщики только настраивали камеры, остальные медленно подтягивались. Сел в ожидании первого вопроса и, поскольку ожидание затянулось, выдал короткую речь с неотразимым выводом: если в «Барсе» меня не жалуют, я готов разорвать контракт, отказаться от денег, которые мне задолжал клуб, и отправиться туда, где ко мне отнесутся с подобающим уважением. Поблагодарил за внимание, поднялся и покинул пресс-центр, оставив журналистов с разинутыми ртами.

Вот так заговорили сердце и разум. Ничего не было придумано заранее, спонтанность отражала мои подлинные переживания. Признаю, что своими словами я подарил прессе заголовки, о которых они и не думали во время моего пребывания в Бразилии, где, отдыхая в кругу семьи, я залечивал травмированное колено. Там я старался отгородиться от каких-либо публичных контактов. В те дни на пляже я разбивал большой ногой набегавшие волны и даже закрыл лицо майкой, когда кто-то, возможно, обыкновенный любитель, направил на меня свою камеру. Конечно, я сделал это не из вредности, а только из желания уединиться от всего мира.

В принципе, я человек неконфликтный. После упомянутой пресс-конференции на следующий день отправился на барселонскую ярмарку, где по договоренности с компанией мобильных телефонов Максон общался с прессой, раздавал автографы и фотографировался с посетителями. Напряжение оказалось если не снятым, то значительно ослабленным.

Затем я вернулся в свой мир, к моей семье и друзьям. Пообедали в загородном ресторане в нескольких километрах от Барселоны. Хотя почти все события того дня не имеют столь

важного значения в моей биографии, все же восстановлю их детали. Наш обед разделили два очень симпатичных мне журналиста, что лишь подтверждает, что между мной и представителями этой профессии не существует железного занавеса. А вечером на мой мобильник позвонил президент «Барсы» Хоан Гаспарт, поинтересовался, как я себя чувствую, выразил поддержку, успокоил меня и призвал к терпению, совершенно необходимому, по его словам, в общении с журналистами. Его тон был вполне благожелательным, и протянутая им рука была пожата мной с удовлетворением.

Я так подробно описал, казалось бы, несущественный эпизод из жизни футболиста высокого уровня, потому что именно он переполнил чашу моего терпения. Я всегда считал себя человеком, возводящим в культ поведение в рамках корректности, и если когда-либо выходил из себя, то стремился не наносить ущерба другим.

Добавлю к изложенной ситуации, что еще перед отъездом в Бразилию я пропустил из-за травмы игру с «Ла Коруньей» и получил разрешение у врачей на то, чтобы меня пронаблюдали бразильские медики. На этот счет между мной и одним из тренеров — Лоренсо Серра Феррером существовала полная договоренность, и не знаю, откуда пошла дезинформация о моей самовольной отлучке. Более того, маховик раскручивался с такой силой, что я прервал курс лечения и досрочно вернулся, ощущая себя жертвой обстоятельств.

УСТАЛОСТЬ ОТ ФУТБОЛА

В тот воскресный полдень журналистам я высказал наболевшее. Оно копилось и должно было выйти наружу. Я сразу почувствовал облегчение.

Помимо договоренности с тренером существует порядок, при котором любой наемный работник может воспользоваться отпуском по прошествии определенного времени, но хочу пояснить, что к этому моменту обстановка оказалась уже в достаточной степени накаленной, и объяснялась тем, что накануне отъезда возникли трения по поводу возобновления моего контракта с клубом. Я не считал предосудительным выставить условие повысить мой заработок. С тех пор как я перешел из «Ла Коруньи» в «Барсу», зарплаты ведущих игроков существенно выросли. Италия подала пример, и в Испании такие клубы, как мадридский «Реал», оказались вынуждены пересмотреть контракты игроков, определяющих лицо клуба, таких, как Рауль и Роберто Карлос, и соответственно затратить больше денег на приобретение, например, Стива Макманамана и позднее Луиша Фигу. Никто почему-то не возмущался по этому поводу, и потому не понимаю, что моим критикам дался мой контракт. Я постоянно слышал и читал, что являюсь мультимиллионером или, того хуже, что лучше других оплачиваемый футболист играет хуже всех. По части качества игры я доказывал делом, говорить же о деньгах чрезвычайно трудно, зная, в каких условиях живут люди улицы, наши поклонники. Представляете, как в их глазах я могу выглядеть? На мой взгляд, такое делалось специально, чтобы настроить против меня всех, кто читает прессу, слушает радио, смотрит телевидение или просто любит посудачить о закулисной футбольной жизни. Именно поэтому последовал ответ с моей стороны: я готов покинуть клуб без единой положенной мне песеты.

Да и вообще не было никакой нужды обсуждать эту тему. Год назад, когда я подписывал контракт с «Барсой», предусматривалось, что его условия будут пересмотрены. Когда же время подошло, все в один голос заговорили о несправедливости повышения заработка и непопулярности футболиста Ри-валдо.

Самое интересное, что именно тогда меня признали лучшим игроком мира. Неужели этот титул не предусматривает всеобщего уважения и даже восхищения? Я считал, что у меня все впереди, что буду играть лет до тридцати пяти, если получу возможность и время восстановиться от травм. Представлялось, что физические кондиции позволят мне еще несколько лет работать в заданном ритме, хотя, возможно, с эмоциональной точки зрения, пик формы, наверное, был уже пройден. Впервые за всю карьеру я почувствовал усталость от футбола и даже поговорил с женой, прежде чем вернуться в Барселону: не пора ли забросить бутсы и пожить спокойно?

Встреча с журналистами, возникшая полемика эти сомнения утроили. Не вернуться ли в Бразилию, в Ресифе, мой родной город, к местам, где мне действительно хорошо и где меня любят? Внутренний голос убеждал меня расстаться с футболом, потому что по природе я человек неконфликтный, а спорт — это скопище проблем. Я устал приспособливаться. Стало невыносимым общение с людьми неискренними и завистливыми, а именно они составляют большинство в мире футбола. Наступает момент, когда неудовлетворенность перестает быть терпимой и призывает к возмущению. Поэтому прошу не рассматривать всплеск моих эмоций как каприз богатенького недоросля. Нет, это стон человека, превратившегося в звезду и уставшего от системы, которая возвела его на пик популярности.

Праведный гнев, овладевший мной в те дни, оказался настолько поглощающим, что заставил меня поставить под сомнение мой собственный стиль жизни, мою профессию, все то, что мне нравилось делать с тех пор, как я стал отдавать отчет в своих действиях. Может быть, знакомясь значительно позднее с этими строками и видя меня еще играющим, кто-то усомнится в искренности моих слов. Но подтверждаю: однажды меня действительно посетила мысль развернуться на 180 градусов, ни от кого больше не зависеть, забыть о футболе, о прессе, о зрителях на стадионе, о людях вообще, отрешиться от всего в кругу моей семьи и близких, не столь важно, хороших или плохих, но сопровождающих меня во всех жизненных обстоятельствах, верных мне.

Наверное, ситуация осложнилась для меня плохим физическим состоянием в эти десять дней. Так или иначе, она подвигла человека, прежде так уверенного в себе и весьма далекого от самоанализа, впервые задуматься о форме существования. Повлияло и то, что моя команда, столь успешно преодолевавшая высоты турниров и поединков, вдруг забуксовала и попала под обстрел критики.

Человек, испытавший столько невзгод в первые годы жизни и в итоге добившийся признания, должен быть по определению оптимистом. Но надо знать бразильцев, они не склонны видеть небо постоянно голубым и остро реагируют на все хорошее и плохое. Особенно меня раздражает неискренность. К тому моменту, о котором я столько рассуждаю, естественно, накопилось видение не только позитивного, но и негативного. Я двигался по жизни в одном вагоне со всеми, кто меня окружает, но случилось так, что спонтанно я задумался о виденном и пережитом и вдруг решил для себя, что достигнутое благополучие мне предоставляет возможность, не дожидаясь новых потрясений, жить более спокойно, сменить профессию и стиль жизни.

Мне показалось в этот момент, лучший игрок планеты должен был либо полностью войти в роль своего героя и попытаться разогнать сгустившиеся над ним токсичные тучи, либо устранился от борьбы, следуя своим принципам, правильным или ошибочным — это уже другой разговор, но определяющим мое понимание футбола как части жизни.

СМЕНИТЬ ПРОФЕССИЮ?

Идея сменить профессию и найти пристанище в Ресифе или Сан-Паулу появилась тотчас, как только денежный мотив стал определяющим в каждом комментарии, затрагивавшем тему моей поездки в Бразилию. Цифры упоминались и раньше, но никогда в критическом аспекте, а, как правило, напротив, в связи с моими заслугами или достоинствами. Создавалось впечатление, что все выплеснутое на меня копилось со временем.

Разговоры о деньгах невольно возвращали меня в детство. В нашем скромном доме иной раз не было куска хлеба. Тогда действительно монеты застревали в моей башке. Теперь же цифры, как бы велики они ни были, отошли на второй план с пониманием, что от них благодаря моим нынешним гонорарам нет оснований для беспокойства ни в настоящем времени, ни в будущем. А что журналисты без устали перемывали мне косточки, на то были поводы и оправдания. Их раздражал мой новый контракт, отъезд на родину и по этой причине неучастие в турне и тур-

нирах в соответствии с обязательствами. Я же считал и считаю, что повышение содержания должно быть адекватно спортивной отдаче, которую никто не ставил под сомнение. Внесем ясность. Современный футбольный рынок благосклонен к тем, кто блистает на поле, и заботится, чтобы звезды не потеряли свой блеск. Это закон футбола. Я никогда не играл только за деньги и со всей решительностью утверждаю, что моя отдача и мой текущий счет разделены. Никто не подвергает клубы критике за то, кого и за сколько они покупают и продают. Один из убедительных примеров - сама «Барса», получившая 10 миллиардов песет за продажу Луиша Фигу. По большому счету, кому какое дело, сколько заработал клуб, а сколько футболист. Вместе они творят спектакль, в который выливается каждый матч, и затраты — только их забота. Другими словами, простоту мышления какого-то там бразильца пытаются столкнуть со сложной системой такой формации, как «Барса», где смешиваются политические, социальные и экономические интересы, разумеется, подчиненные одной цели, стоящей перед спортивным клубом, — победить. Убежден, что в тот день, когда «Барса» решила бы продать меня в другой клуб, никаких вопросов не возникло бы, невзирая на величину трансфера.

Кстати, продажа могла бы решить этот вполне жизненный конфликт, хотя, скажу честно, это мной не рассматривалось уже потому, что для меня сине-гранатовый клуб — нечто большее, чем раздевалка, где я меняю майку, и газон, на котором предстоит играть. Несмотря на обвинения в недостаточной преданности цветам клуба, я ощущал причастность к этой команде с того самого момента, как подписал свой первый контракт в 1997 году. И не ведаю, на каком основании пресса вдруг завела разговор о том, что я не заинтересован в продлении контракта по окончании сезона 2000 — 2001 годов. Мне исполнилось тогда двадцать восемь лет, а значит, я мог выступать на высоком уровне еще в течение двух-трех сезонов. Желание оставить футбол здесь не в счет. К тому же мнение руководства «Барселоны» никак не соответствовало настроениям средств массовой информации.

В тот день в моей машине на выходе с «Ноу Камп» я говорил с доверенным журналистом Давидом Эспинаром, в течение двадцати минут излагая тревоги и планы. Говорил о Ресифе, Сан-Паулу, моей жене Розе, детях, матери, братьях. О людях, так много значащих в моей жизни, о футболе, о готовности все уладить, чтобы продолжать играть, а также и о возможности покинуть спорт раньше, чем многие себе представляют.

Для меня высшее наслаждение — получать удовольствие от игры и доставлять его поклонникам футбола. Без стремления унижить соперников мелкими хитростями. С сознанием, что в каждом игровом моменте выбирается наиболее правильное решение. Однако в одно мгновение мир перевернулся. И если бы не думы о моей семье, эта вызвавшая такую шумиху поездка в Бразилию затянулась бы очень надолго. Напрашивался неожиданный для многих, да и для меня самого ход, который, возможно, такой же правильный, как удачный дриблинг, ловкий удар с разворота или скрытый пас пяткой.

Прежде чем покинуть Бразилию, я обсудил ситуацию в кругу семьи. Что будет, если я уйду из футбола? Наверное, все-таки займусь чем-то, имеющим к нему отношение. Практически у меня уже есть свое дело, связанное с открытием новых молодых дарований. Почему бы не посвятить этому всю оставшуюся жизнь?

Как ни парадоксально, но именно самые родные и близкие мне люди превратились в моих оппонентов. Они напомнили об обязательствах перед «Барсой» и перед сборной Бразилии в преддверии чемпионата мира в Японии и Корее 2002 года, перед всеми, кто любит меня как игрока. Единогласно советовали не поддаваться настроению и не уходить. И я не мог не прислушаться.

В разговоре мне напомнили об ответственности, которую я принял на себя вместе с хрустальным трофеем, полученным от ФИФА. Сказать по чести, я и сейчас не воспринимаю титул лучшего игрока планеты всерьез. Абсолютно совершенного игрока не бывает, и на эту тему я еще порассуждаю. Но всему свое время, а в тот момент, на котором я заострил внимание, это звание не представлялось мне таким значимым, каким видится за стеклом мебельной горки сейчас, с именем Ривалдо, выгравированным на позолоченной дощечке.

...Счет моим голам продолжился в первой же игре «Барсы» после моего возвращения из

Бразилии на стадионе «Аноета» в Сан-Себастьяне, где наш триумф оказался неожиданно убедителен — 6:0 над местным клубом «Реал Сосьедад». Я забил два мяча, и видевшие этот матч могут засвидетельствовать, что к своим голам я отнесся так холодно, будто забивал в пустые ворота, и в то же время радовался, как и принято, мячам, забитым партнерами.

Да, для меня времена безмерной и подчас беспочвенной радости, обязательных улыбок в фотообъективы и телекамеры ушли. Я понял, что, хотя и остаюсь в футболе, не могу оставаться прежним, не хочу скрывать своих истинных чувств. При этом мое дистанцирование от привычных норм поведения звезд отражалось не только на игре, но и на тренировках. Я стал понурым и задумчивым. И если коллеги по профессии, журналисты и зрители видели иногда прежнего Ривалдо, то это означало лишь, что в мои планы входило закончить сезон без излишних инцидентов или действительно удавались такие ходы в игре, которые шахматисты отметили бы тремя восклицательными знаками.

Следующий матч состоялся на легендарном стадионе «Сан-Сиро», обителище «Милана», а потом у себя на «Ноу Камп», где «Барса» принимала мадридский «Реал», поединок, отмеченный появлением португальца Луиша Фигу теперь уже в белой футболке королевского клуба. И вслед за этим — путешествие в Лидс, чтобы продлить дорогу в Лиге чемпионов.

Чего ожидать от футболиста, совсем недавно освищенного толпой? Однако я имел счастье стать автором всех трех мячей «Барсы» в ворота «Милана» при окончательном результате 3:3, выступил весьма достойно в матче с «Реалом» и забил гол на поле англичан, когда оставалось всего три минуты до финального свистка, сравняв счет — 1:1. Впрочем, ничья в том матче ненадолго уберегла корабль «Барсы» от крушения в бурных водах Лиги чемпионов. Для меня же эти четыре сыгранных подряд матча послужили доказательством, что моя спортивная отдача вполне соответствует высокой заработной плате, вокруг которой кипели такие страсти.

Футбол очень податлив на все хорошее и плохое, хотя одна полоса длится значительно дольше другой. Если внешне я ничем не отметил свой первый гол «Милану», а два других — лишь едва заметной вспышкой эмоций, то гол англичанам потряс всю команду и не стал исключением для меня. Еще бы, над «Барсой» висела гильотина — сколь жестокая, столь и несправедливая. При полном преимуществе мяч не хотел попадать в ворота, возбуждение не знало предела.

В итоге споры вокруг футболиста Ривалдо, его стоимости и значимости получили достойный ответ.

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Год, так неудачно начавшийся, завершился вполне благополучно. Обещания, которые давались мне на «Ноу Камп» при знакомстве и подписании первого контракта, разногласия, возникшие при предыдущем президенте «Барселоны» Хосепе Луисе Нуньесе, наконец-то привели к новому контракту, подписанному в стенах реконструированного кабинета нового главы синегранатового клуба Хоана Гаспарта. Разногласия исчезли в глубинах моря забвения. Минимальные расхождения были убраны еще раньше — в продолжительных переговорах Гаспарта и моего агента Хосе Марии Мингельи. А ведь совсем недавно клуб предпринимал определенные действия на футбольном рынке в поисках решения моей судьбы, поскольку отношения между Хосепом Луисом Нуньесом и тренером Луисом ван Гаалом — с одной стороны и мною — с другой зашли в тупик, Хосе Марию Мингелью, уполномоченного защищать мои интересы, в том числе финансовые, они объявили персоной «нон грата». Иными словами, обстоятельства выглядели крайне неблагоприятными.

События развивались с головокружительной быстротой, удивительной даже для такого кардиоопасного мира, как мир футбола. В несколько дней «Барса» потерпела фиаско на всех турнирах, Нуньес подал в отставку, и Ван Гаал лишился работы. Новые выборы президента клуба пришлось на двухмесячные каникулы команды, из которых я полтора месяца провел в Бра-

зилии, призванный под знамена сборной. Ей предстояли квалификационные игры чемпионата мира 2002 года. В любом случае как смиренный бразилец я предпочел не приближать час решения моей проблемы, выжидая, что скажет новый правитель Гаспарт. Существо цеха ему было хорошо известно, ибо на выборы он шел, будучи вице-президентом клуба.

Однако именно в этот период безвластия прогремела новость, потрясшая футбольную планету и, как полагаю, облегчившая взаимопонимание между моим агентом и «Барсой»: Луиш Фигу отправился в «Реал». Не собираюсь оценивать целесообразность такого финта португальца. Одно несомненно: переход его в лагерь главного соперника повлиял на быстрое удовлетворение моих требований. Потеря Фигу и смена президента в клубе стали определяющими в моей судьбе. Без такого совпадения мое пребывание в каталонском клубе вряд ли имело бы продолжение. Хосеп Луис Нуньес открыто заявлял, что готов продать меня, чтобы несколько сбалансировать бюджет клуба. И вот Нуньес уходит, а по условиям расторжения контракта с Фигу клуб получает необходимую сумму.

Какое из этих обстоятельств окончательно определило мою судьбу, не скажет никто. По крайней мере я этого не знаю. Во всяком случае, мое расставание, казавшееся совершенно очевидным, не состоялось.

При команде, сформированной лишь наполовину, при несостоявшемся приглашении таких игроков, как Зинеддин Зидан или Тьерри Анри, с новым тренером и при мадридском «Реале» с его новым президентом и потрясающими приобретениями Хоан Гаспарт должен был найти адекватный ответ. Он добился хотя бы того, что одна из звезд «Барсы» осталась в клубе.

Мое положение ключевого игрока обсуждалось бесконечное число раз, но только до того момента, как Луиш Фигу отправился в аэропорт с билетом в одну сторону. С этого времени мятежный игрок, отказавшийся играть в команде Ван Гаала, просивший денег в большом количестве, думавший больше о сборной Бразилии, чем о «Барсе», освистываемый то за индивидуализм, то за лень, — все это я, — превратился в необходимого.

Я знал, что Хоан Гаспарт в курсе моих требований и подтверждал, что эти вопросы снимет, если станет президентом. Действительно, едва он пришел к власти, переговоры с Хосе Марией Мингельей завершились значительно быстрее, чем можно было предполагать еще несколько недель назад.

Откровенно говоря, мое поведение в значительной степени облегчило это своеобразное повторное свидание с барселонизмом. Из Бразилии я никого словесно не атаковал и никак не пытался повлиять на процесс выборов нового президента «Барсы». Предпочел невмешательство. Даже не упоминал о контракте, понимая, что все зависит от выборов. Эта позиция не должна рассматриваться как скрытый маневр в защиту личных интересов или как желание вернуть утраченные симпатии моих сторонников. На самом деле в таких ситуациях я достаточно неловок, и пример тому — наверное, слишком жесткая «игра в корпус» с Хосепом Нуньесом в течение всего сезона.

ТАКОЙ КАК ЕСТЬ

В обычной жизни за мной признают такие качества, как отстраненность от всякого рода споров и дискуссий. В такой степени, что в Бразилии, типично футбольной стране, над моим характером и вечно примирительными высказываниями на пресс-конференциях посмеиваются. Приведу выдержки из статьи Паулу Нассара, опубликованной в мае 2000 года в «Газета Эшпортива» под заголовком «Неужели Ривалдо всегда такой пресный?».

«Почему у Ривалдо плохие отношения с маркетингом? Что это за такой продукт, от которого воротят нос специалисты маркетинга?»

В игре между Бразилией и Эквадором Ривалдо решил судьбу встречи своими двумя голами, а тысячи поклонников сборной Бразилии, пришедшие на стадион «Морумби», выкрикивали имена Ромарио, не призывавшегося на игру, и Роналдиньо Гаушу, сидевшего на скамейке.

Звезда из штата Пернамбуко расстреливает без тени жалости вратарей, но это не волнует средства массовой информации, подготовленные людьми маркетинга. Кто прав: они или Ривалдо?

В ответной игре Бразилия поначалу проигрывала. Ривалдо, не замечаемый десятью из десяти каналов телевизионной цепи «Глобо», сравнивает счет. Ему бы посвятить этот гол пятисотлетию Бразилии, бедным детям Ресифе, наконец, президенту «Барсы». На худой конец разыграть хореографическую сценку с угловым флажком в руках или в группе с товарищами по команде. Экспертам маркетинга приходит на память взмывший в небо кулак Пеле, майки с рисунками и надписями, припрятанные на такой случай Ромарио, театральные гримасы Марадоны. Все, только не постное лицо Ривалдо.

Нет, решительно, когда Ривалдо забивает гол, он не Рональде, не Ромарио, не Эдил-сон. Он труженик мяча, создающий свои товары и услуги, а потом исчезающий, скрывающийся в своей раковине, как устрица. Кому захочется иметь дело с таким же безликим, как миллионы других человеческих существ? Ответственным за маркетинг нужны герои, не столь важно, положительные или отрицательные.

Кто-нибудь помнит какое-нибудь недостойное поведение Ривалдо? Сколько раз его удаляли с поля? Сколько раз разбивался на своем «Феррари» последней модели? Зато все знают имена и параметры прошлых и настоящих женщин Рональдо, Ромарио, Эдмундо, Ренато Гаушу. Уважаемый читатель, видели ли вы хоть одно фото жены Ривалдо?

Ривалдо — христианин, как десятки других футболистов. Однако мы никогда не видели его перед пробитием штрафного или решающего пенальти стоящим на коленях, заговаривающим мяч или беседующим с Богом. Он неинтересен для колонок новостей, для обложек журналов, для рекламы.

Как вы теперь убедились, для маркетинга Ривалдо, несмотря на то, что он сделал для футбола, остается не более чем забивалой».

Есть такие, которые думают, что Бразилия — страна суеверная, восхищающаяся вещами, не воспринимаемыми остальным миром, видящая ценности, где их не видит никто, и в которой только Зико сумел стать великой фигурой, не вступая в полемику, хотя и его сегодня продолжают критиковать за сухость. И пусть никого не удивляет, что я так веду себя. Это потому, что я такой и есть.

БЕСПОКОЙНЫЕ КАНИКУЛЫ

Бразильским летом, а значит, испанской зимой, пребывая на родине, я доверился профессиональной выучке моего агента, подтвердив ему желание остаться в «Барсе». Только постоянный обмен телефонными звонками держал меня в курсе событий, разворачивающихся в стане клуба. И вот наступил час, когда все главные действующие лица этого поистине театрального действия вышли на сцену. На первой же встрече прозвучало обещание со стороны «Барсы» удовлетворить наши интересы. Напомню, что этому предшествовало: смена президентской власти в клубе, переход Фигу в «Реал» (Мадрид), смещение главного тренера голландца Ван Гаала, временно замещенного его помощником Серра Феррером, и новые приобретения, призванные укрепить сине-гранатовое сообщество.

Не обойдусь без упоминания о еще одном векторе моей футбольной судьбы. Сборной Бразилии предстояло соперничество в рамках отборочного турнира чемпионата мира-2002 с двумя наиболее неудобными партнерами — Парагваем и Аргентиной. На кону — билеты в Японию и Корею и престиж в Южной Америке. Дополнительная сложность — слабая управляемость национальной команды и ставшее хроническим противостояние игроков ста тысячам тренеров, населяющих нашу страну. Естественно, это удаляло меня на 8 тысяч километров от событий в Барселоне.

Пока шли президентские выборы, я не предпринимал никакой попытки связаться ни с действующим президентом, ни с его соперниками — Хоаном Гаспартом и Луисом Бассатом. По прошествии выборов ситуация вокруг меня разом прояснилась, и оставалось обсудить детали.

Хочу пояснить, что в реальной жизни президент и футболист общаются в единственном случае: при обсуждении условий контракта. Каким бы ни было мое отношение к Нуньесу и Гаспарту, я воздерживался от комментариев, даже когда меня пытали бразильские журналисты. Высказанное мной мнение моментально перелетело бы в Барселону и, кто знает, могло бы и повлиять на ход выборов. При том, что чаша весов колебалась то в ту, то в другую сторону. Не удивляйтесь, после стольких лет жизни в этом безумном мире футбола я стал составлять часть его иерархии.

Однако настало время самому вернуться в Барселону. И тут, как абсолютное большинство путешественников, искателей приключений, проводящих каникулы на другом конце света, я стал заложником отложенных и задержанных рейсов, изменения маршрутов. Ничего не оставалось, как звонить и разыскивать Лоренсо Серра Ферреру, извиняться, предупреждать, что опаздываю на предсезонный сбор в Голландии. Очень неприятное это занятие: прежде я уже просил и получил несколько дней, чтобы провести в семье, поскольку большую часть моего отпуска заняли лечение травмы и пребывание в национальной команде Бразилии. Погружение в мир спокойствия было мне совершенно необходимо перед выходом на последнюю прямую, каковой виделось подписание контракта и связанное с конфликтом напряжение.

Перед уходом в отпуск тогдашний тренер Луис ван Гаал направил в клуб послание, копия которого была вручена и мне, где указывалось, что всем надлежит вернуться 27 июля и на следующий день отправиться в Голландию. Ван Гаала не стало, но документ не терял силу. Вполне логично, что в первом обращении к Серра Ферреру я попросил отодвинуть для меня дату возвращения. Я физически не мог прибыть к этому сроку в Барселону: Бразилия играла на «Моруби» в Сан-Паулу накануне в 21.50, ближайший рейс — в 0.30, и от паулистского стадиона до аэропорта больше получаса. Если играть до конца встречи, я не успевал на самолет.

Слава Богу, что теперь я был освобожден от необходимости объясняться с Ван Гаалом. Феррер позволил мне задержаться на несколько дней. Более того, новый главный тренер, пусть и временный, будучи в курсе дел, согласился, что мне удобнее появиться в команде, когда все вопросы с контрактом будут решены. Ферреру, конечно, было удобнее, чтобы я подключился к партнерам, держа в голове только заботу о наилучшей подготовке к сезону. Да и зачем ехать в Голландию, если неизвестно, останусь ли я вообще в клубе.

Сам Хоан Гаспарт не форсировал мое приобщение к тренировкам, стремясь как можно скорее выполнить предвыборное обещание и определиться в отношениях со мной.

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ РИВАЛДО...»

На календаре — 1 августа. Версии, где я и что со мной, множатся и подвергаются все более широкому обсуждению. Переговоры с тренером огласке не предавались, и потому многие с часу на час ждали моего появления на сборе в Голландии. Меньшая часть утверждала, что я, скорее всего, появлюсь в Барселоне на переговорах с новым президентом. Кто-то утверждал, что я уже несколько дней скрываюсь в Испании. Земля полнилась слухами, поскольку я избегал всяких встреч с представителями масс-медиа, резонно полагая, что все решится без моего участия. Существовала опасность только напорить.

В конце концов я оказался в самолете, летящем через океан, но не в Барселону, а в Лондон. Рядом моя супруга, пожелавшая использовать возможность погулять по английской столице, пока я занимаюсь выполнением коммерческого обязательства, связанного с интересами самого сине-гранатового клуба. Компанию в съемках рекламного ролика «Пепси» мне составил Дэвид Бекхэм, съемки велись в обстановке секретности и заняли целый день — от приземления

одного самолета до взлета другого. Той же ночью мы наконец-то добрались до Барселоны. Прилетели ранним утром и разместились в отеле, удаленном от перекрестков событий. Однако я очень скоро открыл для себя, что являюсь самой разыскиваемой персоной. Радио и телевидение сообщали, что меня ищут в аэропорту, в офисах клуба и даже на квартире, с которой съехал перед бразильскими каникулами. Хосе Мария Мингелья держал меня по телефону в курсе событий, из которых следовало, что переговоры с Хоаном Гаспартом еще не завершены и, во всяком случае, не требуют моего участия.

Остаться в четырех стенах отеля было совершенно невыносимо. Я отправился со спортивной сумкой на тренировочную базу «Барсы», где в отсутствие команды, как я полагал, меня меньше всего предполагали увидеть. Совершенно не планировавшуюся встречу с журналистами я описал в самом начале. Повторю, что им было сказано: я не собираюсь отправляться в Голландию, пока моя ситуация полностью не прояснится. На попытки продолжить обсудить эту тему они получили решительный отказ.

В семь часов вечера позвонил Мингелья, пригласил приехать к нему, чтобы оттуда вместе отправиться в офис «Барсы», где предстояла встреча с президентом, все условия, сказал он, приняты и утверждены, необходимо лишь уточнить незначительные детали и встретиться с прессой для совместного заявления. У меня гора с плеч упала, хотя опыт убеждал, что до встречи с президентом праздновать победу рано.

ПЕРЕГОВОРЫ НА ПОЛУ

С Мингельей по телефону удалось вчерне отредактировать контракт. Сам агент, контактируя с Хоаном Гаспартом, отразил в документе ранее оговоренные обеими сторонами условия и теперь не нуждавшиеся в дополнительной доработке. С этими бумагами возле девяти часов вечера мы прибыли в офис барселонского клуба для их окончательной шлифовки.

Встреча прошла в новом кабинете Хоана Гаспарта, настолько новом, что в нем не оказалось даже мебели. Мы расположились на полу вместе с бумагами. Присутствовали Антон Парера, генеральный директор клуба, бывший администратором в эру Нуньеса. За десять минут все разногласия оказались ликвидированными и мое доверие к клубу восстановлено. Оставалось предстать перед журналистами и обнародовать соглашение. Я ощущал себя кучером на облучке хрустальной кареты, которому, однако, не грозит в определенный час превратиться в тыкву, как происходило в известной сказке.

На руках имелся оригинал с подписями, которыми три стороны скрепили документ. На сегодняшний день он содержит более сорока страниц, соединяющих меня с «Барсой» до 2003 года.

Естественно, больше всего строк в прессе и часов на радио и телевидении было уделено цифрам моего контракта. Тот, кто знает их в полном объеме, был бы не прав, если бы не отметил, что я действительно высокооплачиваемый футболист, но странно было бы не заметить, что эта оплата не соответствует титулу лучшего футболиста планеты-1999. На этом я бы хотел подо всей этой финансовой полемикой поставить точку, потому что, честно говоря, мне не очень приятно рассуждать на эту тему. Замечу только, что публикации скорее наносили мне ущерб, чем работали на меня.

Хочу еще подчеркнуть, что сам никогда не забываю, что родился и вырос в бедной семье. Изменения в моем образе жизни отнюдь не сравнимы с мутацией. Окидывая беглым взглядом все, что усвоил в детстве, уроки, полученные в семье, особенно в разговорах с отцом, и события моей бурной профессиональной жизни в футболе, хочу заметить, что остаюсь человеком, придерживающимся простых жизненных принципов. Или, во всяком случае, я пытаюсь оставаться таким же, каким был. И это постоянство составляет главный мотив для гордости. А если кому-то покажется, что я слишком заиклился на подписании нового контракта, то произошло это только потому, что я стремился в первую очередь отстоять свою правоту, а не

исполнить прихоть капризной звезды. Мое требование было совершенно справедливо, оно вытекало из договоренности с прежним президентом клуба, и я был полностью удовлетворен финальным рукопожатием с Хоаном Гаспартом.

Большинство журналистов отметило в новом контракте определенные степени защиты от возможной продажи, как и в прежнем, предусматривается первоначальная компенсация в размере 15 миллиардов песет. Но помимо этого «Барса» предложила включить в контракт список двадцати команд, в которые я могу быть продан по взаимоприемлемому согласию. В этот список я смог предложить лишь малое число бразильских клубов — «Палмейрас», «Крузейро» и «Сан-Паулу», остальные соответствовали критериям самого руководства «Барсы», хотя и согласовывались со мной. Что касается общественного мнения, то оно в подавляющем большинстве связывает меня с английским или итальянским футболом.

Однако, как часто бывает, в новых благоприятных обстоятельствах жизнь уготовила мне новое разочарование...

МОЙ ГОРОСКОП

В предыдущих главах я неоднократно обращался к тому, что составляло смысл моей жизни с тех пор, как я ее осознаю. Эта жизнь постоянно пыталась обвести меня простыми и неожиданными финтами. Я бы сказал: да, счастье иногда посещало меня в поворотных моментах, однако не менее часто жизнь награждала знаками печали и недружелюбной критики.

С того момента, как я появился на свет в скромном госпитале не менее скромного района в Ресифе, каждый день для меня являлся испытанием на выживание. Семья, очень бедная и многочисленная, ранняя и трагичная потеря отца, преждевременное возложение на хрупкие плечи груза ответственности за себя и других.

Прежде чем познакомиться с детством того, кого в течение определенного времени признавали лучшим игроком мира, надо бы в общих чертах проанализировать мой характер, сложившийся в те годы и претерпевший к настоящему времени лишь незначительные изменения. Считаю, что я обладаю неординарной памятью, очень уравновешен, скромен, застенчив, и далее — достаточно закрыт от других, семьянин, труженик, враг тщеславия и творец своей собственной жизни.

В газете «Журнал ду Бразил» астролог Ана Мария Коста Рибейру утверждает: *«кто носит имя Ривалдо, в основном хорошо чувствует себя в коллективе и всегда целеустремлен»*. Она первой заметила, что мое имя начинается на букву Р, как у Ромарио и Роналдо, тоже бразильцев, триумфаторов и бывших игроков «Барсы», и, наконец, что я родился 19 апреля 1972 года, а девятки приносят удачу, что я Овен и потому задумчив, раздражителен, честолюбив и упрям, а также склонен к индивидуализму, что моя планета — Юпитер, которая открывает дорогу к триумфу вдали от родины, за что подвергнусь критике, смягченной большими успехами и престижем, завоеванным в «Барсе», и признанием меня лучшим футболистом планеты сезона-1999.

Моих детских фотографий не существует, единственной я обязан служащему клуба, где играл, снявшему полароидом нашу команду перед игрой. Семейные ресурсы лишали нас вещей, столь привычных для европейского среднего класса, — фотоаппарата, цветного телевизора. Однако незабываемым воспоминанием детства остаются ощущения теплоты и единения. Этот дух я пытаюсь сохранять в кругу моих детей — сына Ривалдиньо, дочери Тамурис и жены Розы — и постоянно фотографирую их среди цветов и зелени, на пляжах, на улицах, дома. Наверное, этими фото я компенсирую те незапечатленные на бумаге листочки памяти, которых был лишен в детстве.

Однажды кто-то сказал, что мне предписано свыше с ранних лет подвергнуться испытаниям, чтобы выработать характер и преодолевать самые сложные препятствия. И то правда, что из пяти братьев и сестер — Рикардо, Риналдо, Ривалдо, Кристиан и Сораия — я, средний, стал опорой семьи, как бразильский атлант, держащий на своих плечах груз выживания всей семьи. Я держал этот груз с ответственностью, переданной мной отцом Ромилдо за те немногие годы, которыми

нам довелось насладиться вместе.

В отличие от неожиданно разбогатевших людей, которые вспоминают о своем нелегком детстве с единственной целью выпятив свои заслуги, я упоминаю о трудностях юных лет как об обстоятельствах, которые сформировали мою личность, сознание. Есть только один Ривалдо, который познал высокую стоимость жизни и которому слава не закрыла глаза на несправедливости сегодняшнего дня.

БЕДНЫЙ, НО СЧАСТЛИВЫЙ

Наш дом, как я отмечал, был лишен привычных атрибутов материального благополучия. На столе не было хорошей еды, в нашей комнате — хороших игрушек. Не могу сказать, что мы голодали, правильнее — мы жили впроголодь, и я донашивал то, что доставалось от старших братьев. Но и эта ситуация делала ребенка счастливым, когда ему доставалось поиграть пластиковым мячом и побегать, пиная этот мяч.

В этих условиях футбол трансформируется в бразильский идеал. Мяч — это отрада для бедных детей моей страны, и мы - трое братьев — с упоением играли, как большинство подростков, меж облезлых домов и били по воротам, сооруженным из ржавых водопроводных труб. Игра в футбол была для меня путешествием во времени и пространстве, помогала отвлечься от ежедневных проблем. Асфальт казался хорошо подстриженным газоном, непригодные ни к чему трубы рисовались белыми настоящими штангами, а гудки и прочие шумы проходивших неподалеку машин и автобусов преобразовывались в свистки арбитра и рев трибун, приветствовавших гол, забитый уличными идолами. Начинал играть босым из-за отсутствия ботинок, и поэтому сейчас мне не так важно, какой частью стопы бить по мячу.

Пластмассовый мяч был лучшим другом моего детства в моменты, когда удавалось освободиться от ежедневных забот и погрузиться в мир противостояния таким же юным соперникам. Только теперь я понимаю, что это был естественный путь к славе, а тогда мы просто отрывались от Земли настолько, насколько могли.

Я появился на свет в Ресифе, но в шесть лет нас перевезли на юг, в город Паулиста. Совершенно естественно детская память не сохранила множества деталей первого периода жизни. Прошлое начинается для меня с переезда в дом номер 25 по улице 140 в районе Жардим Паулиста, где по сей день живет моя мать, Марлусия. Наш очаг претерпел лишь незначительные изменения: появились цветной телевизор, кондиционер, произведена небольшая внутренняя побелка, слегка подремонтирован фасад, пристроен уголок как некоторое подобие маленького рая.

В пору детства спорт был для меня всего лишь бегством от повседневности, увлекательным путешествием в Галактику, где не существует проблем, забот и неудобств. На моей каждодневной планете было совершенно не так все радужно, во всяком случае, вовсе не так, как рисуется жизнь ребенка десяти лет на Западе. С семи до одиннадцати утра я проводил в занятиях с книгами, а вовсе не с мячом. На этом настаивала моя мать в противовес отцу, отдававшему предпочтение футболу, а не наукам как форме выстроить мое будущее.

МАЛЬЧИК - ТРУДЯГА

После четырех часов учебы я подхватывал коробку с маленькими пирожными и бутербродами — «сонбос» и «коишимбас». Только после того, как коробка опустошалась, путь худосочного и замкнутого мальчика лежал на стадион «Санта-Круз» к своей первой детской команде.

Организованного турнира для нас не существовало. В междусобойчиках, или, как у нас говорят, «леладас», принимали участие и мои старшие братья. Наши пути несколько разошлись к

тринадцати годам, когда я начал тренироваться всерьез. У братьев не хватило терпения соблюдать пусть минимальные, но совершенно необходимые нормы спортивной дисциплины. Как ни странно, но считалось, что из нас троих я был менее способным и физически более слабым. Возможно, такое мнение сложилось потому, что мне приходилось играть со взрослыми ребятами. Зато стремление не уступать сильным соперникам волей-неволей заставляло оттачивать технику. Должен сказать спасибо и отцу, который, несмотря на всеобщие насмешки, укреплял во мне веру в правильности выбора. До шестнадцати лет мой день имел одни и те же параметры: учеба, работа, тренировки и игры. С небольшими модификациями. Например, мы с братьями иногда совершали походы на пляжи с портативными холодильничками на плече. Продавали прохладительные напитки, самым хорошим рынком был и знаменитый бразильский карнавал. Иногда катали по улицам небольшую повозку с фруктами, не гнушались торговать билетами уличных лотерей или носить сумки покупателей на ярмарках и в супермаркетах. Другими словами, делали все, на что хватало выдумки — прародительницы таланта.

ОХОТНИКИ ЗА ПТИЦАМИ

Есть нечто, что никому из интересовавшихся моими детскими увлечениями до сих пор не удалось разузнать. Это общение с птицами, в особенности с певчими. Без ложной скромности скажу, что я почти эксперт в орнитологии. Ловля птиц составляла существенный вклад в достаток нашей семьи.

Образ птицы ассоциируется у каждого нормального человека со стремлением вырваться из определенной ситуации. Мне птицы помогли избежать нужды. Речь вовсе не идет о каких-то жар-птицах, пернатых сокровищах, хотя, разумеется, вырученная сумма напрямую зависела от класса пернатых, типа их пения и красочности оперения. Я слышал, что знаменитый нападающий сборной Бразилии Ривелино содержал необыкновенную птаху в золотой клетке, по вечерам она ублажала слух друзей футболиста. Таких птиц в наших северо-восточных лесах не водилось. Они давным-давно занесены в Красную книгу, и лесная полиция зорко охраняет природных артистов. Я с братьями ловил простых птичек, мы знали повадки каждой, подбирали питание, чтобы рулады были длиннее и красивее. Продажа их не запрещалась, и мы относили их на птичий рынок. Ловля начиналась очень рано, когда солнце едва-едва освещало макушки деревьев. В заговоре участвовала маленькая птичка, обитавшая в клетке и зазывавшая подруг. Когда жертва обмана заглядывала в клетку, дверца захлопывалась. Очень часто это были вовсе не певчие птицы, и с трофеем приходилось расставаться. Иногда часы ожидания проходили понапрасну.

ПЕРВЫЙ СТАДИОН

В тринадцать лет «пеладас» сменилась организованными тренировками, где официальный тренер давал задания. Немые скамейки наблюдали за упражнениями, которые маленький Ривалдо выполнял, почти не замечаемый тренерами, возможно, верившими в любого другого паренька, но только не в него. Однако это не сказывалось на душевном подъеме юного футболиста, находившегося под гипнозом запаха раздевалок и атмосферы пустого стадиона. Находиться здесь становилось смыслом его жизни.

В школе достаточно легко давалась математика. Может, поэтому в голове застревают большие цифры гонораров футбольных звезд. Возможно, по той же причине, когда такие деньги оказались в моих руках, я отнесся к этому достаточно рассудительно. Во всяком случае, мне не потребовался, как некоторым, психолог. Никогда не было рядом со мной и человека, помогающего распоряжаться деньгами, сдерживать жажду накопительства или расточительства — спутников обильных поступлений на текущие счета больших футболистов.

Аналогично мое сегодняшнее отношение к лучшим стадионам мира. Казавшиеся совершенно

далекими от понимания, они не вызывают у меня теперь никакого трепета. Ни «Маракана», ни «Уэмбли». Выйти на любой стадион для меня все равно, что сыграть на поле моих «пеладас». И если я говорил когда-то нечто иное журналистам, не хотел разрушать легенды и мифы, сопутствующие этим великим аренам. Для меня самой великой ареной остается «Санта-Круз», только выходя на поле в Ресифе, я волнуюсь, как мальчишка, впервые оказавшийся в эпицентре событий.

По этому случаю вспоминаю одну игру на «Санта-Крузе». Я выступал за юношескую команду, за так называемых «жуниорс». Мне было восемнадцать. И фа носила принципиальный характер, встречались закадычные друзья-соперники. Большую часть времени я провел на скамейке запасных, зато когда вышел при счете 2:2, то быстро забил победный гол, обеспечив нашей команде выход в следующий круг. По окончании журналисты сбежались проинтервьюировать героя встречи. Я не знал, что сказать, и неожиданно для всех и для себя самого... заплакал. С тех пор я испытываю необъяснимую неловкость при общении с представителями масс-медиа, вечно сомневаюсь, то ли следовало сказать.

Кто совсем не участвовал в моем футбольном воспитании, так это моя мать, Марлусия. Занятая домашними делами, она почти не выходила на улицу. Ей не нравилось, что ее дети играют в футбол, она хотела, чтобы мы уделяли больше времени учебе. Еще ей не нравилось, что трачу деньги на поездки на стадион, и мой отец Ромилдо тайком покупал мне книжечку сразу с шестьюдесятью билетами. Их и сегодня еще можно использовать в Бразилии.

Как ни странно, но именно смерть отца в корне изменила отношение Марлусии к моему футбольному будущему. Его поощрение увлечения моей карьеры она восприняла как завещание. Мало того, когда через несколько дней после его гибели меня собирались отлучить от футбола за непригодностью, она стала горой в мою защиту.

Классный футбол вошел в мою жизнь посредством старенького, постоянно ломавшегося телевизора, сбивчиво передававшего черно-белую картинку. Иногда удавалось посмотреть немного лучшее изображение в доме друзей. Чаще всего показывали игры «Фламенго», команды, вызывавшей наибольший интерес в то время благодаря Зико, Андраде, Леандро, настоящим артистам. Их магия переносила меня на «Маракану», мысленно одевала в красно-синюю майку и выводила на газон вместе со знаменитыми футболистами.

Кроме футбола у нас были и другие игры. Одна оставила на моей правой ноге шрам и чудом не сделала хромым на всю жизнь. Уподобляясь пожарным, мы соревновались в преодолении препятствий примерно в два метра высотой. Надо прибежать первым, подпрыгнуть, зацепиться и посмотреть, что там, за стеной. Я прибежал последним, и как раз в тот момент кирпичи под руками победителя посыпались мне на ноги. Полчаса спустя врач, наложив в госпитале шестнадцать швов, сказал, что я родился под счастливой звездой — чудом не перерезало вены и не перебило кость.

Однако судьба далеко не всегда оказывалась столь благосклонной...

ОТЕЦ

Не устану повторять, что корни древа моей личности уходят в детство, прожитое в трудах и иллюзиях, где футбол стоял на первом месте. А мой отец навсегда останется в памяти как садовник, посадивший это дерево и давший ему возможность расти и развиваться. Ромилдо был человеком серьезным, отзывчивым, ответственным, большим тружеником, способным на жертвы ради семьи и близких. Так считаю не только я, а все, кто его знал.

Отец никогда не бил своих детей и терял душевное равновесие исключительно когда речь касалась футбольной темы. А еще ощущал себя с нами одним целым. Не случайно сыновей он назвал Рикардо, Риналдо и Ривалдо — с той же заглавной буквы, что и его собственное имя. Не будет преувеличением сказать, что в тот день, 6 января 1989 года, омертвела и до сих пор не восстановилась часть моего сердца. Уверен, что, спрашивая о моем отце, люди читают в глазах

ответы более выразительные, чем в словах. Даже когда мы повзрослели, он брал нас за руку, обнимал, целовал как только что родившихся, и я стараюсь вести себя с моими детьми так, как он обращался с нами.

И футболистом я стал, можно сказать, ради него. Он всегда говорил, что видит во мне профессионала. Хотя, признаюсь, сразу после его гибели мои мысли повернулись в другую сторону. Надо было помогать семье сводить концы с концами. Мать так любила отца, что ей в голову не пришло снова выйти замуж, несмотря на то, что в Бразилии повторный брак не считается предосудительным. Она знала, что не сможет найти замену, и мы сообща решали наши трудности с потерей главы семьи.

Именно в ту пору проявлялись мои математические способности. И здесь я должен сказать невольное спасибо моему отцу. Он сажал меня рядом, когда вел подсчеты расходов и долгов, а жизнь вынуждала его обращаться к кредиторам, платить проценты, сжиравшие до половины зарплаты. Я невольно становился его доверенным лицом.

Но более всего, повторюсь, нас сближал футбол. По субботам он непременно посещал наши «пеладас» и, случалось, вмешивался, когда соперники слишком грубо обходились с его любимцем Ривалдо. Сам он не очень-то преуспел на поле. Его родительница, наша бабушка, очень хотела, чтобы он прежде всего выучился. По этой причине он с пониманием относился к моим разногласиям с матерью на той же почве.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ

Я помню тот день так отчетливо, будто знал, что вижу его в последний раз. Около десяти утра я вышел из дома, мы встретились на улице. В сумках были овощи и еще какие-то продукты, которые отец купил заранее, чтобы поехать с матерью в Ресифе, перебросились несколькими словами, он обнял меня и поцеловал, и мы разошлись каждый в свою сторону.

В Ресифе им предстояло обратиться в банк, оформить право Марлусии на крохотное наследство, причитавшееся от родителей. Там была очередь человек в пятьдесят, отец оставил мать стоять в ней и отправился в свой офис в муниципалитете. Не теряя даром времени, он сел работать с бумагами, а когда оторвался от них, увидел, что прошло более получаса. Обеспокоенный, что пройдет очередь в банке, выбежал и стал пересекать улицу, не глядя по сторонам. Это он-то, такой аккуратный во всем!

...Водитель автобуса не успел затормозить. Это случилось почти в полдень, в час без пятнадцати.

«ПАТАПАЛО»

Я испил горькую чашу до дна и столкнулся с необходимостью строить жизнь по-новому. Первым делом подумал бросить футбол, однако Ромилдо никогда бы мне этого не простил, он будто знал заранее, что его сын будет признан лучшим игроком мира. Впрочем, тогда до этого счастливого момента было еще очень далеко, и многие годы мне предстояло прожить с кличкой «pata de palo», то есть «деревянная нога», или попросту «коряга», которой меня наградили с первых игр на стадионе «Санта-Круз». Лишь по прошествии времени она отстала от меня - превращение из игрока с весьма ограниченными возможностями в признанного атлета - процесс не скорый и не легкий. Но это имело и положительную сторону. Я привык больше к критике, чем к лести, к наказаниям, чем к советам, к печали, чем к радости, по крайней мере до тех пор, пока я играл в бразильских клубах и не попал в «Депортиво» из «Ла Коруньи», а затем в «Барселону». На смену уличным командам пришли выступления за клуб «Санта-Круз», где получил свой первый профессиональный опыт. Отец оставил не написанное, но совершенно определенное и доверительное завещание, обязывающее меня

добиваться триумфа в футболе, пройти через все тернии и доказать, что его интуиция не обманывала.

ПЕРЕБЕЖЧИК

Я принадлежал «Санта-Крузу», команде всей жизни моего отца, и там впервые испытал не только радость побед, но и горечь разочарования... Мне было шестнадцать лет — время, переходное из одной возрастной категории в другую. В клубе по этому случаю проводился отбор. На стадион пришло множество подростков, полных надежд и опасений. Моя игра не понравилась тренеру, он сказал, чтобы я забрал свою регистрационную карточку.

Как объяснить случившееся отцу, мечтавшему, чтобы я стал футболистом и защищал цвета его родного клуба? Сказать правду не решился. Пришлось соврать, что отбор не закончен и продлится еще три месяца. Отец огорчился, но постарался меня взбодрить. До сих пор переживаю, что Ромилдо умер в неведении, он погиб до исхода злополучных трех месяцев. - Регистрационную карточку из клуба я не забирал — вдруг ее обнаружили бы дома, а стал играть в команде своего квартала. Здесь о возрасте не спрашивали, там играли все желающие от шестнадцати до тридцати пяти лет. Волей случая я попал на глаза наблюдателю из скромного клуба «Паулистано», он и предложил прийти к ним на тренировку.

Там первым делом поинтересовались, не «кот» ли я. Так в Бразилии зовут тех футболистов, которые уменьшают свой возраст. Я, естественно, ответил, что это не так и мои данные указаны в регистре «Санта-Круза». Тогда руководители «Паулистано» вступили в контакт с моим бывшим клубом.

Через несколько дней календарь столкнул наши команды на поле. Родной стадион встретил меня, как перебежчика. Я же, невзирая на свист, силился доказать, что списан напрасно, и дважды выводил свой новый клуб вперед. Конечным результатом стала ничья — 2:2. Поскольку матч решал, кто из двух вылетит, то пробивались пенальти, и я забил еще один гол, выбивший «Санта-Круз» из турнира.

На следующий день в моем родном клубе докопались до моих документов и обнаружили, что формально они еще сохраняют на меня права. Попытались протестовать, добивались переигровки, но ничего не получилось. Вернуть меня тоже оказалось непросто. Мне новый клуб нравился, его поле находилось значительно ближе к дому. Но «Санта-Круз» проявил настойчивость, согласился оплачивать транспортные расходы, и я решил вернуться.

ОБЛАСКАННЫЙ И ОТВЕРГНУТЫЙ

Тремя годами позже, девятнадцатилетним, меня приняли в первую команду, что прежде всего означало возможность тренироваться на главном поле вместе с лучшими футболистами клуба. Сам я к их категории еще не принадлежал и соответствующей зарплаты не получал. Мне выплачивали лишь премиальные за победы.

А попал я в основной состав относительно случайно. После участия в 1991 году в Сан-Паулу в так называемом Кубке юниоров — Таса Juniores — было сказано, что пять моих партнеров должны на следующий день явиться на тренировку профессионалов. Я забил на турнире три из четырех голов моей команды, но в их числе назван не был. Тренер, правда, велел мне тоже прийти на стадион в назначенное время, но в качестве... зрителя.

Я пришел. Один из руководителей клуба, как мне рассказали, собрал новичков и сказал им, что от молодых ждут улучшения обстановки в команде, терпящей неудачу за неудачей, и спросил, кто из них Ривалдо, отличившийся результативностью в кубковом турнире. Ему ответили, что я сижу на трибуне. Меня позвали. Я потренировался в общей группе и вернулся домой окрыленным.

Мой новый тренер Сержиу Косме в течение двух тренировок не обмолвился и словом со мной, но на третьей сказал, что поставит меня на ближайшую игру в центр атаки вместо Вал-

бера. Это походило на сон. Пробуждение оказалось кошмарным: на последней тренировке я так повредил колено, что потребовались носилки. Мне все сочувствовали, а тренер успокоил: место в команде для меня не потеряно. Слово он сдержал. Хотя, возможно, иногда жалел об этом.

Комментарии на появление новичка в основном составе «Санта-Круза» оказались отнюдь нелестными. Мое место, утверждали критики, в низших командах, и вряд ли этот парень добьется чего-нибудь путного в футболе. И вообще — на что может рассчитывать команда с таким центральным форвардом, и с издевкой замечали, что только хромой сыграл бы хуже. Все это передавалось по местному радио, и однажды я просто вынул батарейки из транзистора. И сейчас скажу, что не стоит молодому футболисту постоянно держать над головой гильотину общественного мнения. Мой отец Ромилдо завещал мне противостоять любым преградам на пути осуществления мечты, я старался и своего добился.

Другой бы опустил руки, но мой характер пришел мне на помощь. Терпение, снисходительность в отношении зрителей и прессы стали щитом от бесконечного числа критических стрел. Могу только добавить, что с годами эти качества во мне приумножились.

Журналистам никогда не угодишь. На первом этапе моей карьеры в «Санта-Крузе» их возмущало то, что в команде много необстрелянной молодежи и нет игроков с именем, которых при желании можно найти в других штатах, таких, как Рио-де-Жанейро или Сан-Паулу. Когда же я попал в «Барсу», то там стрелы летели в прямо противоположном направлении: мол, отдадут предпочтение иностранцам, те вытесняют талантливую молодежь, которой предостаточно в Каталонии.

В обоих случаях, как нетрудно догадаться, я оказывался виноватым, и как следствие, когда команда проигрывала, всюду повторялось мое имя. Велся только подсчет моих промахов по воротам, того, сколько раз я злоупотребил обводкой, описывалась моя нескладная фигура, пригодная где угодно, только не в футболе, и зубы, недостаточно ровные из-за плохого питания.

ТРОИЦА ИЗ ДЕРЕВНИ

«Санта-Круз» стал ступенькой к клубу более высокой категории. Контракт с «Моджи Мирим» не только доказал, что «Патапало» чего-то стоит, но и перенес меня в Сан-Паулу — одну из футбольных столиц Бразилии, впервые разъединив с матерью, братьями и сестрами, приобщил к одиночеству и другому уровню футбола.

В этом переходе тоже усматривалась рука случая. Паулистам понадобился форвард, а руководители «Санта-Круза» получили взамен защитника. Мои новые хозяева вскоре признались, что обмен оказался для них неожиданно удачным.

Это произошло на второй год моего двоякого положения в «Санта-Крузе», когда я метался между первой и второй командами. Не скажу, что слыл полным неудачником. Накануне турнира с участием таких именитых команд, как «Палмейрас», «Гремио» и «Ботафого», наша команда, составленная из подростков, жадно смотревших не только на еду, но и на все то, что происходило вокруг, выступила совсем неплохо.

Когда же наша команда вылетела из этого турнира, проводившегося по олимпийской системе, я отправился в свой новый клуб — «Моджи Мирим». А за мной поспешили и мои критики. Теперь должен признаться, что не было в моей жизни ни одного клуба, где бы сначала меня не освистывали. В данном случае я ответил им примерно полутора годами весьма сносной игры. Не стану отрицать, что деньги, которые мне платили, явились существенным вкладом в тощий семейный бюджет, подорванный потерей кормильца, однако их количество резко расходилось с обещанной суммой. По этому поводу я услышал от президента клуба фразу, годы спустя повторенную Хосепом Луисом Нуньесом, президентом «Барселоны»: «Или бери что дают, или отправляйся домой». Словом, миллионером я не стал, но маленькую квартирку в Ресифе на заработанные деньги купил, ею и сейчас владею как память о том времени, когда о нынешнем моем состоянии и не мечталось.

Еще хочу заметить, что жить на юге Бразилии мне, северянину, было чрезвычайно тоскливо. Местные жители старательно игнорируют провинциалов. Такое же отношение и в национальной команде, о чем я еще расскажу. Насмешкам подвергаются манера говорить, привычки, одежда, часто не соответствующая погоде южной части страны. Новое пополнение в лице меня, Валбера и Лето тут же окрестили «Трио Са́рiга», что означает на их наречии «троица из деревни».

Но не было бы счастья... Внезапно появился положительный момент, познакомивший с девушкой по имени Роза, которая через некоторое время стала моей женой. Наши свидания нарушали только тренировки и игры. Почти каждый вечер в восемь часов я отправлялся к ней на автобусе, чтобы в половине одиннадцатого вернуться на место сбора и в одиннадцать отойти ко сну. Несколько позднее клуб купил мне машину, но автобус она не заменила, ибо водить я не умел и прав не имел. Все равно ухаживал за машиной как за девушкой, с присущей северянам старательностью. Мой первый автомобиль прослыл образцово чистым и менее всего используемым.

ЖИЗНЬ ВЗАЙМЫ

Понемногу жизнь приняла относительно размеренный характер. Моя игра в «Моджи Мирим» заставила критиков прикусить язык. Мое имя все чаще упоминалось в ряду с именами знаменитостей «Коринтианса», «Палмейраса», «Сантоса». Отношение настолько изменилось, что первая из этих команд заинтересовалась моей персоной и вступила в переговоры, хотя совсем недавно подписанный контракт предполагал пятилетнее пребывание в «Моджи». И вот очередной поворот в судьбе. Меня вместе с двумя другими из «Трио Са́рiга» отдают в аренду «Коринтиансу».

Я старался так, что новые хозяева были мной довольны. Как следствие в период пребывания в именитом паулистском клубе я раздал автографов больше, чем кто-либо другой. Однако, следуя принятому в Бразилии выражению, небо отнюдь не выглядело голубым. Самой большой тучкой нависала неопределенность. С одной стороны, истекал срок шестимесячной аренды, а клубы не спешили определить отношения между собой. С другой — угнетала необходимость почти ежедневно преодолевать шестьдесят километров, разделявших меня с Розой. Машина не выручала. При моих водительских способностях только в одну сторону приходилось тратить до трех часов.

В конечном итоге «Моджи Мирим» и «Коринтианс» так и не смогли прийти к взаимному согласию, и я вернулся в прежний клуб, полный сомнений в своей профессиональной пригодности.

НЕМНОГО ВЕЗЕНИЯ

К счастью, невезение оказалось недолгим. На горизонте появился новый клуб, еще более значимый, — лютый враг «Коринтианса», моего должника и обидчика. «Палмейрас» выкупил мой контракт в августе 1994 года и вернул уверенность и спокойствие. Богатый клуб оплатил даже кредиты, к которым я был вынужден прибегнуть в последний год. Ну и наконец-то освободился от необходимости ежедневно доказывать свою пригодность, неловкого, надо сказать, состояния, преследовавшего меня с первой в жизни примерки бутс. Я встряхнулся: вот теперь начинаю соответствовать предназначению, указанному мне отцом. Впрочем, привычная раздвоенность не покинула меня. Ее питало в основном недоверие поклонников «Палмейраса». Еще бы, недавно я надевал белую майку «Коринтианса», их вечного соперника, а теперь ношу зеленую. Такая резкая смена цветов вызывала свист при первых появлениях в рядах их любимцев. Потребовалось время и очередные победы над судьбой.

Спустя несколько месяцев "Палмейрас" и «Коринтианс» встретились в финале чемпионата Бразилии. В первой из двух игр мы победили — 3:1, и я забил два гола, вторая встреча закончилась вничью — 1:1, где я вновь отметился забитым мячом. Эти голы вкупе со знаменательной победой подарили мне доверие сторонников «Палмейраса» и значительно улучшили мое душевное состояние. Надо ли говорить, что до сих пор поклонники «Коринтианса» не могут простить мне этого подвига?.. Я и мой футбол для них остаются запретной темой. Суммарно это подтверждает ту мысль, что на всем протяжении жизни в футболе я постоянно иду под руку с добром и злом.

Моя форма существования, заключенная главным образом в скромности и в уравновешенности, наверное, оказалась лучшим дриблингом при столкновениях с любыми невзгодами. Вне поля и внутри стадиона я чаще всего соглашался с критикой, признавал, что моя игра далека от совершенства. Это обязывало в следующий раз сыграть лучше. Словом, критика, пусть не всегда справедливая, отнюдь не подрывала веры в мой футбол. После неблагоприятных дней сам себе я говорил, что умею значительно больше и что смогу убедить и победить оппонентов. И многое получалось. Пример — та же встреча «Палмейраса» с «Коринтиансом», когда мне удалось разуверить пессимистов и превратить их в моих сторонников.

Бразилия — страна, творящая мифы, живущая ими, пусть речь идет изначально о людях маленьких, униженных, а не богатых и знатных. Таким идолом стал и я. Дома хранится короткометражная лента, снятая телевидением по случаю рождения первенца — Ривалдиньо. Я в ней в белом халате в ожидании финала, а у операционного стопа доктор, страстный поклонник «Палмейраса», команды, за которую я выступал в это время, и его помощник, сторонник «Коринтианса», в самый неподходящий момент заводят спор, чьи цвета будет защищать новорожденный. Появившийся на свет ребенок своим плачем, естественно, не может дать вразумительный ответ.

Лично я из этих двух команд отдаю предпочтение «Палмейрасу». Обстановка сложилась благоприятная, отношения со зрителями и прессой вполне терпимые. Однако пришло время, когда я понял, что не избежать отъезда за границу. Европейский трамплин совершенно необходим бразильцам, избравшим футбол профессией, и чтобы повысить мастерство, и чтобы добиться признания на международном уровне. Игра в дезорганизованном чемпионате, спорадическое участие в национальной сборной не представляли гарантий для истинного триумфа. Еще отец говорил, что Европа — это лучшее решение проблемы даже для привилегированных членов бразильской футбольной аристократии. Медлить было опасно. И без того лучшие блюда попадали поздно на мой стол, и их требовалось несколько раз разогревать, чтобы насладиться.

БЕГСТВО В «ДЕПОРТИВО»

Футбольная виза в Европу, многими из моих соотечественников уже давно полученная, для меня задержалась по ряду причин. Первым на горизонте замаячил контракт с «Пармой», мощным клубом в не менее уважаемой итальянской лиге. Я обрадовался договору, ничто, казалось, не мешало. Лишь 20 процентов прав на меня принадлежали «Палмейрасу», а остальные 80 — межнациональной компании «Пармалат», которой принадлежит и «Парма». Со мной уже разговаривали представители руководства молочного концерна. Так и не ведаю, чем я не угодил.

Затем возник вариант с переездом в «Эйндховен» еще до того, как с ним подписал контракт Рональде. Я отобедал с руководителями клуба, но и на этот раз переход сорвался, что-то не устроило «Палмейрас». Когда европейские варианты отпали, я получил совсем неплохое предложение от японского клуба «Верди Кавасаки», который тренировал бразильский специалист, знакомый по «Коринтиансу». И вновь наложил вето «Пармалат», заверив, что меня продадут в Италию. Однако кого-то и что-то опять не устроило.

Вот так поезд моей мечты проскакивал станцию за станцией, не останавливаясь ни на одной. Я уже свыкся со своей монотонной, рутинной, без больших перспектив жизнью. Сам

себе я виделся тщетно пытающимся противостоять значительно превосходящим силам противника. И вот когда ситуация уже выглядела тупиковой, пришло предложение из Испании от «Депортиво» из Ла Коруньи. Мой соотечественник известный игрок Мауро Силва позвонил и, хотя мы не были знакомы, рекомендовал меня своему клубу, подробно рассказав о нем. Через несколько дней в лагере «Палмейрас» появился переговорщик с письмом от «Депортиво». На этот раз события развивались весьма динамично. Агент активно провел переговоры со всеми сторонами, то есть с руководством «Палмейраса», «Пармалата», одновременно консультируясь по телефону с президентом «Депортиво» Аугусто Сезарем Лендоиро. Очень скоро я отправился в Испанию, чтобы заменить в галисийском клубе моего соплеменника Бебето, перед которым, кстати, я не устаю преклоняться. Добавлю, что мой контракт стал самым дорогим в истории как «Депортиво», так и «Палмейраса».

Судьба наконец-то мне подмигнула с доброжелательной улыбкой, что оказалось крайне своевременно с учетом олимпийского провала в том же 1996 году в Атланте, на чем я еще остановлюсь. Здесь же скажу, что, если не отъезд в Испанию, я мог бы сгореть в пламени олимпийского огня, окончательно измотанный футболом. Почему-то именно меня почти единогласно обвиняли в неудачном выступлении сборной Бразилии на олимпийском турнире. Можно сказать, что переезд в Ла Корунью был бегством от незаслуженной критики. «Депортиво» предоставило мне пятнадцать дней отдыха после Олимпиады, я же использовал только пять и приземлился в Испании, где меня ждали две тысячи «инчас». Восемь тысяч присутствовали на официальном представлении приобретения клуба на стадионе «Риасор». Они помогли забыть о всех невзгодах и окрылили желанием доказать, что я оправдаю их ожидания. А еще я задумал отблагодарить эту публику, освободившую меня от груза, именуемого бразильским футболом, особым способом, заимствованным, правда, у одного из нападающих «Моджи Мирима». Забив первый гол в каком-либо матче, я снимал и дарил зрителям футболку.

В «Депортиво» я перестал быть «Паталапо» — «деревянной ногой». Положение изменилось в принципе. На родине я искал себе компанию на поле из игроков более известных и более опытных. В Европе я оказался в роли звезды, пусть даже это многими подвергалось сомнению. Но на игре это сказывалось: я все определеннее играл роль лидера. В том же качестве и в том же сезоне мои соотечественники появились в других испанских клубах — Рональде и Джованни в «Барсе» и Роберта Карлос в мадридском «Реале». Как к иностранцам, к тому же высокооплачиваемым, публика подходила к нам с особыми мерками, и, наверное, мы испытывали одно и то же чувство — выходили на каждую ифу, как на экзамен. Что до меня, то такое состояние привычно, и потому, полагаю, я довольно быстро освоился в европейском футболе.

НЕОЖИДАННЫЕ СИТУАЦИИ

Примерно год пребывания в «Ла Корунье» отмечен двумя серьезными проблемами в моей карьере, несколько отличными от тех, с которыми я сталкивался прежде. Все-таки футбол высокого уровня — это мир особых взаимоотношений, политических, финансовых и всякого рода иных интересов и маневров, которых не наблюдалось в моей бразильской жизни. Забегая вперед, скажу, что подобные неспортивные моменты еще более выпукло проявились в «Барселоне».

Первая из неведомых ранее ситуаций заключалась во взаимоотношениях с тренером Джоном Тошаком. До сих пор не нахожу исчерпывающих объяснений произошедшему. Во всяком случае, сейчас, по прошествии стольких лет, между нами установились вполне добрые отношения, базирующиеся на уточнении наших позиций и дистанции, которая нас разделяет. Но тогда, если восстанавливать события, отправным пунктом конфликта стала игра против «Атлетика» из Бильбао на стадионе нашего клуба. Я был в ударе, что неоднократно отмечалось аплодисментами и одобрительными выкриками с трибун. Однако через полчаса тренер дал указание заменить меня. Настолько неожиданно, что мне показалось, что мой номер на майке назвали

по ошибке. Но нет, действительно последовала замена, и на поле при счете 1:1 выпустили крайнего защитника. Зрители тоже не поняли тренера и встретили его решение свистом. Раздосадованный, я отправился в душ и потом, не возвращаясь, уехал домой. На поле же происходило следующее: «Депор» повел 2:1, и тренер в отместку за реакцию трибун на сделанную им замену довольно выразительным жестом ответил протестовавшим, что зафиксировали телевизионные камеры. Через несколько минут на табло отразился финальный результат — 2:2. Спустя две недели Тошака убрали, и молва связала его увольнение с удовлетворением требования Ривалдо и еще некоторых игроков.

Вторая конфликтная ситуация возникла незадолго до моего перехода в «Барсу». Была пора каникул, и перед тем, как вылететь на родину, мы, трое бразильцев в «Депортиво» (я, Мауро Силву и Донато), направились к тренеру Карлосу Алберто Силве за разрешением вернуться с опозданием на один день или, по крайней мере, перенести тренировку с утра на вечер. Ничего необычного в просьбе не содержалось, на перелетах терялось больше, и мы вполне резонно рассчитывали на понимание тренера, кстати говоря, тоже бразильца.

К нашему удивлению, тренер вынес приговор, не подлежащий обжалованию, — явиться в девять утра 23 июля на общие занятия. Он добавил, что в случае опоздания будет вынужден доложить о происшествии президенту клуба и не окажет нам никакой поддержки. Профессионалы якобы должны думать прежде всего о работе.

На каникулы мы отправились под дамокловым мечом еще не совершенного проступка. Я был настолько разозлен, что и не собирался возвращаться в срок, уверенный, что Силва и Донато поступят так же. Но позвонил Мауро Силва, привлеченный в сборную, выступавшую в Кубке Америки, и сказал, что не намерен конфликтовать и вернется в Галисию к назначенному сроку. При том, что у Мауро имелось еще больше оснований требовать отсрочки: он только что принимал участие в официальном турнире.

Ничего не оставалось, как лететь в Ла Корунью 21 июля, чтобы 22-го выспаться в испанской квартире и 23-го выйти на тренировку. Добавлю, что из Испании тоже позвонили и предупредили: не опаздывать. Я подтвердил, что буду вовремя, и прибыл.

И вдруг еще один телефонный звонок. На сей раз непосредственно из офиса «Депортиво». Сообщают, что первое занятие переносится на вечер. Было от чего прийти в бешенство — мы столько сил потратили, чтобы отвоевать несколько часов для отдыха в кругу семьи, и вот теперь, когда сдались на милость победителя, все переигралось.

Нет уж, решил я, не буду плясать под их дудку, обзвонил Мауро Силву и Донато и сказал им, что ни на какую тренировку я не поеду, а останусь дома. В автобусе, отъезжавшем из Ла Коруньи к центру подготовки в ста километрах от города, мое место оказалось не занято.

На базу прибыл собственным ходом, но не к восьми вечера, а в десять, когда тренировка закончилась и команда ужинала. Тренер даже не посмотрел в мою сторону. Подошел его помощник Хосе Мария Корраль и передал, чтобы я переоделся и отправился на тренировку в половине одиннадцатого вместе с еще двумя футболистами. Джалминья только что закончил медицинский осмотр, а Рамис задержался по разрешению «мистера», то есть тренера.

Но урезонить меня было уже невозможно. Я отказался выходить на поле и отправился в номер. Это спровоцировало возмущение тренерского корпуса и руководителей, прибывших на открытие сборов. Моя комната превратилась в паломничество визитеров, уговаривавших не накалять обстановку и подчиниться. Бесполезно. Даже если попросил бы мой покойный отец Ромилдо, я не вышел бы на тренировку. Таков был ответ последнему доброжелателю.

Прошла ночь, и еще не рассвело, когда по телефону от имени Карлоса Алберто Силвы поступило распоряжение покинуть расположение команды и немедленно вернуться в Ла Корунью с одним из членов правления клуба, отъезжавшим в этот час. Меня довели до дома, предупредили, чтобы я ждал звонка от президента клуба, и я остался наедине с переживаниями, поскольку никак не мог добиться связи с семьей в Бразилии.

Следующие двадцать четыре часа прошли в ожидании. Наконец Аугусто Сезар Лендспгю выкроил время для встречи. Разговор не принес ничего хорошего. Меня приговорили к

семи дням отлучения от команды. Что могло быть хуже? Впервые после смерти отца навернулись слезы, на сей раз не слезы печали, а беспомощности. Вернуться в Бразилию или попытаться найти другой клуб, который способен оплатить расторжение контракта? А это четыре миллиарда песет.

Мое состояние тронуло главу клуба. Идти на конфликт с тренерами ему не хотелось, расставаться со мной — тем более. В итоге нашлось компромиссное решение — один день под домашним арестом. Никто не предполагал, что неделю спустя на моем пути возникнет очередной крутой поворот. Предупредительный знак представлял собой эмблему «Барселоны».

ВХОЖДЕНИЕ В ЭЛИТУ

Мысленная лестница, ступеньками которой являются команды, выстраивающие мою футбольную карьеру, неожиданно подняла меня на пролет выше — где расквартированы звезды. Не умаляя достоинств «Депортиво», моего первого европейского клуба, должен признать, что ему была уготована роль транзитного пункта к достижению вершины, каковой является «Барса».

Я безмятежно засыпал в отеле, где «Депортиво» собрался перед очередной игрой традиционного летнего турнира, проводимого галисийцами, когда вдруг раздался телефонный звонок. На другом конце голос не известного мне агента, специализировавшегося на трансферах бразильцев, объяснил, что беспокоит по просьбе руководителей «Барсы». Ему поручили осуществить в максимально короткие сроки мой переход в каталонский клуб. Сон сняло как рукой. Ментально вспомнился аналогичный звонок Мауро Силвы, разыскавшего меня на сборах «Палмейраса», после которого начался мой бросок через океан в Европу. На сей раз, как выяснилось, моя кандидатура была названа одним из тренеров «Барселоны», конкретно Лоренсо Серрой Феррером, и одобрена его коллегами и президентом клуба Хосепом Луисом Нуньесом.

Сосредоточиться никак не удавалось, я весьма некстати пробормотал, что необходима пара дней на обдумывание. И получил ответ, что ситуация обязывает принять решение незамедлительно. Трансферный период вот-вот заканчивался. На сей раз Мауро Силва находился рядом, был моим соседом по комнате. Однажды ему удалось убедить меня расстаться с бразильским футболом и принять предложение «Депортиво». Теперь, как ни тяжело расставаться, он посоветовал дать согласие «Барсе». Аргумент не оригинален — «Барса» занимает в пирамиде не только испанского, но и мирового футбола значительно более видное место, чем большинство клубов, пусть и принадлежащих тоже к элите. Каждый год «Барса» завоевывает какой-то приз, сказал он, и это очень важно в жизни футболиста.

Я позвонил жене, она онемела от неожиданности. Не скажу, что Роза согласилась сразу и безоговорочно. В Ла Корунье она адаптировалась с помощью жен бразильцев, игравших в «Депортиво», а Барселона представлялась очень большим и чужим городом, где трудно найти себя.

Мои же опасения касались чисто игровой адаптации. Вспоминались игры детства, неловкость, с которой я обращался с мячом, свист и улюлюканье зрителей. Стоит ли вновь испытывать капризную судьбу?

Тем временем «Барса» подключила к переговорам Хосе Марию Мингелью, более искушенного агента. Я колебался, объясняя ему, что достаточно прочно чувствую себя в «Депортиво». Но усилия каталонцев набирали обороты. На следующий день он них пришел факс с конкретными предложениями. Осталось поставить подписи.

С БЫСТРОТой МОЛНИИ

За факсом последовало приглашение не медля прибыть в Cindad Condal, спортивный городок, в котором базируется «Барселона». Однако еще по дороге, пролежавшей через

офисы на стадионе «Ноу Камп», я обнаружил, что подготовленный контракт существенно отличается от предложенного и присланного в Ла Корунью. Естественно, это касалось прежде всего предложенных сумм. Последовало разъяснение, что, мол, надо проявить себя, внести свой вклад в победы «Барселоны», и тогда все пункты контракта приведут в соответствие с проектом. Между проектом и его реализацией в полном виде установили срок в два года.

Забегая вперед или возвращаясь к началу повествования, отмечу, что мы с Хосе Марией Мингельей вовсе не были настроены сдаваться без боя, однако Хосеп Луис Нуньес стоял на своем. Контракт завис. Однако я просто не представлял, как теперь вернуться в Ла Корунью. Мне ничего не оставалось, как подписать бумаги. Молния блеснула, грома никто не услышал. Обстоятельства заключения контракта остались на тот момент в тайне, я напомнил о них лишь спустя два года.

В спешном порядке уехал в Ла Корунью и вечером того же дня вышел на поле в матче с «Эйндховеном». Публика, как всегда, встретила меня очень тепло, но с началом второго тайма почувствовалось напряжение. По радио сообщили, что Ривалдо готов отправиться в «Барселону», заплатив неустойку. По мере того, как это известие подтверждалось и овладевало массами, свист нарастал. Даже когда вышел к одиннадцатиметровой отметке, чтобы пробить решающий пенальти, зрители против обыкновения меня не поддерживали. Будто я бил в собственные ворота. Мяч влетел в сетку, «Депортиво» добился победы, но мне пришлось побыстрее исчезнуть в туннеле.

Прежде чем попасть в душевую, меня и Мауро Силва пригласили в соседнюю с раздевалкой комнату, где ждали президент клуба и тренеры. Состоялось объяснение в спокойных тонах. Аугусто Сезар Лендоиро признал, что не может уравнивать условия моего контракта с теми, что предложила «Барса», ибо тогда потребовалось бы повысить содержание остальным игрокам до недостижимого для «Депортиво» уровня. Экономически «Барса» или «Реал» несопоставимы с провинциальными клубами. Президент еще раз взвесил условия каталонского контракта и, захлопнув в бессилии свой бумажник, пожелал мне удачи.

Покидая стадион практически последним, я застал на стоянке возле моей машины двух разгневанных мужчин. Один шпынял авто ногой, другой слегка пытался его утихомирить. Такой мне представилась и общая оценка моего поступка. Во избежание подобных нежелательных встреч на следующее утро я заказал такси и отправился в Барселону не из аэропорта Ла Коруньи, а из Сантьяго де Компостела.

В МАЙКЕ «БАРСЫ»

Встреча в Каталонии не была столь восторженной, как год назад в Ла Корунье. В сопровождении представителей нового клуба я проследовал в медицинский центр на обследование. Там поджидало множество журналистов. В офис «Барсы» на «Ноу Камп» их не пустили.

Понадобилось время, чтобы почувствовать себя барселонцем. Едва контракт вступил в силу, тренер голландец Луис ван Гаал попросил сыграть несколько минут в рамках турнира Хоан Гампер, ежегодно организуемого «Барсой» в августе. Признаюсь, не был готов ни физически, ни морально провести на поле и секунды. Неопределенность положения не позволяла спокойно спать. Особенно расстроился, когда увидел галисийскую газету, в ней фото «Депортиво» в полном составе и среди бывших партнеров я в форме... «Барселоны». Фотомонтаж! Не знаю, переживал ли кто-нибудь подобное состояние. Мне потребовалось около двух месяцев, чтобы прийти в себя.

Однако «Барса» не располагала временем, даже чтобы заказать официальную майку для своего нового приобретения. Мне дали футболку с номером «11», на которую нашили буквы не того размера и вида, что у остальных игроков. В игре с итальянской «Сампдорией» я провел на поле сорок пять минут, реализовал пенальти, но, признаться, был далек от того, что требуется от футболистов «Барсы». Делал детские ошибки, отдавал мяч,

когда требовалось взять игру на себя, не знал, куда бежать, какую позицию занять. Хорошо, что поклонники «Барсы» проявили потрясающую снисходительность, полностью прониклись моим состоянием души. Уникальный случай!

Процесс интеграции проходил медленно. Эпизоды хорошей игры переплетались с моментами полных провалов, моя фигура неизменно оказывалась в центре полемики, и все же, полагаю, я рос как игрок, что и позволило в дальнейшем получить признание не только в Европе, но и в мире. Должен сказать, что три года, которые я разделил в «Барселоне» с Хосепом Луисом Нуньесом в качестве президента и Луисом ван Гаалом — тренером, скорее характеризовались напряженностью, чем сердечностью, что внешне никак не гармонирует с высокими спортивными результатами коллектива. Скажу больше, интриги во взаимоотношениях преобладали над чувством коллективизма или, более точно, барселонизма.

РАСПРИ С ВАН ГААЛОМ

Чтобы не сваливать в кучу хорошее, плохое и злое, должен дистанцировать мои отношения с президентом клуба, в основном по финансовым вопросам, от разногласий с тренером чисто игрового плана. С первых дней стало совершенно ясно, что наши футбольные идеи располагаются в разных полушариях. Это не могло остаться незамеченным даже с трибун, изолированных от внутренней жизни клуба.

Считаю абсолютно нормальным, что взгляды тренера и игрока могут расходиться. Но как футболист, который отвечает за качество действий на поле или во всяком случае возлагает на себя всю тяжесть игры, считаю, что имею право возражать тренеру по вопросам чисто профессиональным.

Когда в детстве начинаешь играть в футбол, то чаще всего сам определяешь свое место на поле, фиксируя в течение всей карьеры эту позицию. Проблема, возникшая между мной и Ван Гаалом, заключалась в том, что я видел себя исключительно в центре поля, а тот, от кого зависело, где мне играть, видел меня у левой бровки. В течение трех лет каждый стремился убедить другого в своей правоте, никто не хотел уступать ни на йоту. Как игрок я был вынужден выполнять его указания, постоянно испытывая неудобство, которое умножалось на нежелание и в результате выливалось в неудовлетворенность. Особенно когда тренер заменял меня или выпускал лишь на замену. Таким заменам я находил только одно объяснение: играю не на своем месте.

При этом не могу умолчать и о фатальном невезении. В те редкие случаи, когда Ван Гаал уступал, кажется, в четырех или пяти встречах, «Барса», как нарочно, терпела поражения, что укрепляло позицию «мистера», уверявшего всех и каждого, что я типичный фланговый игрок.

Голландец не уставал повторять, что игра в центре поля мне противопоказана, что для этого мне недостает дисциплины, положенной при участии в отборе мяча и преследовании противника во время контратаки. Другими словами, что я не умею вести деструктивную игру. Несмотря на то, что спор шел о чисто профессиональных вещах и вели его два профессионала своего дела, полемика выливалась в слишком жесткие формы. Дело доходило до того, что он высказывал сомнения в необходимости моего пребывания на поле, хотя ему трудно было отрицать, что футболист я хороший и что со мной в первый же год «Барса» победила в чемпионате и завоевала Королевский кубок. Мне наиболее запомнилась наша стычка после игры с «Мальоркой» на «Ноу Камп». Ван Гаал меня заменил, и я после душа вернулся не на скамейку, а уехал домой. Точь-в-точь как однажды в Ла Корунье после первой неудачи сразу по приезде в Европу, когда про себя решил: в таких случаях лучше удалиться не попрощавшись, по-английски. На тренировке потом Ван Гаал специально попросил Луиша Фигу перевести с английского на португальский его нотацию о недопустимости моего поведения.

Убедить меня он не смог. Но и мне не удавалось убедить его, что я способен решить

судьбу любой игры, если буду играть так, как умею и когда мне никто не мешает, а в соответствии с его схемами нападающие лишаются свободы действий и мы теряем преимущество перед соперником.

Никто из трех форвардов, уверял я, не новичок, мы способны смять любую оборону, если целиком положиться на наш профессионализм и фантазию. Ван Гаал, слушая, смеялся мне в лицо.

СВЕТ В ТУННЕЛЕ

Вот так бы мы и жили -тренер, придерживающийся строгих рамок избранной им схемы, и игрок, лишенный чувства юмора, мучающийся в оковах его системы. Пока однажды, кажется, спустя неделю после упомянутого разговора, голландец не разрешил в порядке эксперимента действовать так, как мы считаем нужным по игровой ситуации, «Барса» победита не только в этой встрече, но и выдала блестящую серию побед.

Ван Гаал, естественно, выставил себя творцом успешных модификаций. Однако через некоторое время он вернул нас к своим прямолинейным схемам, и полемика продолжилась.

Дошло до того, что я стал считать за благо пребывание на скамейке. Однажды, кажется, после игры на «Нью Камп» против «Атлетико» (Мадрид), я был полон решимости сделать соответствующее заявление перед журналистами. Каплей, переполнившей чашу терпения, стала не столько совершенно бесполезная беготня по левому флангу, сколько слова одобрения, высказанные в мой адрес тренером в перерыве. Хорошо, что я еще ничего не успел вытворить на поле. Почувствовав неладное, Ван Гаал поспешил с заменой.

От публичного скандала меня уберег один из друзей. Возможно, помогла и собственная мудрость. К двадцати восьми годам начинаешь понимать, что можно не только прослыть мятежным, но и стать отверженным. И мне ли жаловаться, если и на позиции слева у бровки я достаточно много забиваю, удостоен «Золотого мяча» и признан лучшим футболистом планеты. Надо наконец понять и работодателей. Очевидно, они исходили из того, что не располагали исполнителем соответствующей квалификации, способным выполнять мою работу. И вообще, кто мы, если не рабочие, пусть и высокооплачиваемые. В конечном итоге президент волен послать меня садовником подстригать траву на стадионе.

Все же терпение небеспрельдно, и мысли вылились в слова, сказанные в присутствии всей команды в раздевалке. Моя отдача, талдычил я, значительно повысилась бы, играй я не строго по краю. Тот, кому адресовались эти слова, тоже присутствовал, что никак не походило на закулисные игры. Напротив, все видели, что я думаю не столько о себе, сколько об интересах коллектива, этого самого барселонизма.

Однако когда, казалось бы, путь к цели так ясен, моя судьба выбирает темные туннели. Ван Гаал не стал более ввязываться в полемику и периодически, как я отмечал, разоружал меня тактическими новациями в отдельных матчах, и мне далеко не всегда удавалось доказать свою правоту. Дело в том, что я получал заветное место в наиболее неудобных играх, с соперниками, теоретически уступающими нам в мастерстве и компенсирующими свои дефекты плотной опекой, особенно на своих последних рубежах, на полях заведомо в плохом состоянии, крайне нетерпимых нами, бразильцами. А после поражений Ван Гаал именно меня выставлял главным виновником.

Я в долгу не оставался и парировал с утроенной энергией его обвинения. Очки мы теряли не из-за моих ног, говорил я, а из-за ног соперников, которым удавалось нас перебегать. Но для себя делал вывод, что и на таких полях и с такими соперниками нельзя беречь себя, а надо играть, будто тебе двадцать лет. Но должен заменить, что чрезмерная старательность, стремление исключить риск — это медаль, имеющая и другую сторону: я терял искру, а значит, и терял блеск • футбол, к которому я стремился.

По правде, так и не знаю, верил ли в меня Ван Гаал. Он не уставал повторять, что видит во мне лучшего простреливающего игрока в мире, и потому грех не использовать

мои лучшие качества. Говорил журналистам, что давно искал игрока с такими способностями, и когда найдет другого, то позволит мне играть так, как я хочу. Я опровергал его тоже публично, что подливало масла в огонь. И слава Богу, что все закончилось отставкой тренера. Узнав о приговоре, ни в раздевалке, ни на пресс-конференции Ван Гаал не упомянул мое имя, но всем было ясно, кого он имел в виду, говоря, что совершил большую ошибку, веря в футболиста, который этого не стоил. Напрашивался ответ, но я дипломатично отмолчался.

Отставка последовала за неудачами в двух играх на финише сезона 1999 — 2000. Мы проиграли 0:3 сначала «Мальорке», а затем «Овьедо». И следом в полуфинале Лиги чемпионов уступили «Валенсии». Без меня. Случилось так, что на тренировке я получил травму, хотя в действительности боль и раньше преследовала меня, только теперь она стала невыносимой. Я ушел с поля, позвонил доктору, тот сказал, чтобы я отправился в раздевалку, хотя давать такие распоряжения - прерогатива тренера. В раздевалке он пытался выяснить характер травмы настаивал, чтобы я провёл оставшиеся игры. Я действительно прежде играл на уколах, но сейчас отказался, чтобы избежать риска более серьезной травмы. Ему же хотелось, чтобы я по крайней мере попал в заявку и сидел на скамейке, чтобы при негативном исходе весь мир видел виноватым Ривалдо, а никак не Ван Гаала. От него я так и не услышал никогда искренне добрых слов.

Теперь о ТОМ, что давным-давно наболело и о чем я неоднократно упоминал. Не знаю, почему он так стремился отодвинуть меня на край поля. Ведь все равно я поднялся на самую высокую вершину в футбольном мире и всегда много забивал. Да не забил решающий пенальти в ворота «Челси» в четвертьфинале Лиги на 87-й минуте, пришлось помучиться еще полчаса дополнительного времени, но на 99-й минуте сам же заработал еще один пенальти и реализовал его. Остался бы живым, если бы сплеховал вторично? Может, лучше было бы отказаться вновь подходить к одиннадцатиметровой отметке? Но я играл в ранге лучшего футболиста планеты, и звание обязывало.

РИВАЛДО - АТЛЕТ

Хочу сакцентировать внимание на физическом состоянии игрока по имени Ривалдо, поскольку именно физические кондиции часто становятся яблоком раздора между нами и тренерами. Я упоминал, в какую серьезную проблему вылилась невозможность для меня принять участие в одном из ключевых матчей Лиги чемпионов, какие громы метали и президент, и тренер, и фаны, попутно вспоминая, что я перед этой игрой, не жалуясь, выступил за свою сборную против ни больше ни меньше как Испании.

На самом деле я далек от того, чтобы ради мелкой выгоды прикидываться инвалидом. Повторю, что выходил играть за сборную Бразилии с травмой. Да и вообще хватит пальцев одной руки, чтобы подсчитать пропущенные матчи. Зато не счесть, когда играл благодаря магической инъекции, заставлявшей забывать о боли, но не более чем на девяносто минут.

Профессионалы должны свыкаться с тем, что наша профессия связана с самопожертвованием. Тем обиднее упреки, которые приходилось выслушивать. Слезы боли смешивались со слезами гнева. Ибо профессионал не хуже доктора в состоянии почувствовать опасность выхода на поле с незалеченной травмой, предусмотреть степень риска. Скольких моих коллег подстерегало черное будущее!

Доктор Рикард Пруна, возглавляющий медицинскую службу "Барсы", подтвердит, что мое анатомическое сложение достаточно хорошо сбалансировано. Это одно из моих преимуществ. На протяжении многих лет я сохраняю правильные пропорции между ростом, весом и процентом жировой прослойки. Это только кажется, что я массивен, на самом деле во мне гармонично сочетаются сила, скорость и подвижность. Мускулатура рельефна и при этом достаточно

эластична. Кстати, именно этим профаны от медицины объясняют то небольшое число травм, которые выпали на мою долю до сих пор. Однако эксперты уверены, что моя конституция помогает легче переносить мускульные перегрузки и подавлять боли определённого характера лишь потому, что я умею вовремя восстанавливаться. Я труженик по природе. Так что спасает меня вовсе не агрессивное медицинское вмешательство. Не втирания и не инъекции успокаивающих средств.

Нашего доктора я любя зову педиатром, потому что он относится ко мне, как к ребёнку. Составляет диету и витаминную поддержку, делающим сбалансированным моё питание, хотя, как почти все мои земляки, я равнодушен к газированным напиткам. По его же рекомендации и под его наблюдением я по часу занимаюсь восстановительными упражнениями и процедурами после каждой игры.

Поэтому всегда довольно гладко прохожу регулярные медицинские обследования. Иначе бы у атлета, играющего в футбол на самом высоком уровне, непременно возникали бы определённые проблемы различного характера.

Массажу я предпочитаю сауну. Считаю, что она лучше восстанавливает, расслабляет, позволяет снять напряжения и хорошо сочетается с контрастной ванной, дающей необходимую закалку человеку, подверженному постоянным сменам температуры и влажности – этим спутникам больших расстояний. Чего стоят, например, перемещения из Нового Света в Старый и наоборот.

Подытожу: по мнению врачей, знающих мои слабости, я достаточно хороший пациент, умеющий сопротивляться естественным в нашем деле болячкам, за исключением редких случаев, как описанный выше отказ выйти на поле, нарушивший мое эмоциональное равновесие.

КОНФЛИКТ С НУНЬЕСОМ

Если отношения с тренером были, я бы сказал, слегка аномальными, то с президентом клуба — более чем странными. Начало можно охарактеризовать как период гармоничного сосуществования и взаимных любезностей, затем было достаточно мирное время, базировавшееся на позитивных результатах, однако стоило «Барсе» и всем нам, объединенным одним понятием — команда, попасть в полосу не удач, как все мы, и я в том числе, и даже в большей степени, попали под огонь его упреков и намеков, увы, с подключением журналистов. Что касается лично меня, то, вероятно, на наших отношениях дополнительно сказалась моя настойчивость в выполнении условий контракта. Беда ещё в том, что мы оба не говорили напрямую, а облекали претензии друг к другу в форму лицемерной дипломатии. В таких условиях ему удавалось представить меня как стяжателя. А осложнялось всё тем, что я для себя решил ни при каких обстоятельствах не расставаться с «Барсой», а он видел выход из сложившейся ситуации в возможности избавиться от меня по окончании сезона 1999-2000.

Все мои попытки вывести президента клуба на откровенную беседу не имели успеха. Казалось бы, у него уже не оставалось шанса уйти от разговора, как вдруг Нуньес, упав у себя дома, сломал бедро и был госпитализирован. В конце концов Ван Гаал вытащил меня прямо из душа, мы приехали в клинику, однако трехстороннее обсуждение контракта свелось к модификации отдельных ничего не значащих пунктов контракта, договорённость по которым имелась ранее. Мало того, Нуньес настаивал на бессрочности наших отношений, в результате чего все права принадлежали бы руководству клуба. Надо ли говорить, что госпиталь я покидал с предчувствием, что жизнь в "Барсе" для меня отныне станет только сложнее.

С подачи Нуньеса, подхваченной Ван Гаалом средства информации дружно приставили к моему имени словечко «несговорчивый». Или того хуже – «неблагодарный». Из их слов в общении с прессой получалось, что, встречаясь со мной в госпитале, они

рассчитывали на сочувствие, а столкнулись с новыми требованиями по финансовым вопросам.

Возникла опасность попасть в ещё более коварную ловушку. Я как мог смягчал характер наших переговоров и даже упомянул однажды, что с моей стороны делать упор на повышение зарплаты значило бы размежевание с теми, кто отправляется каждое утро на поиски работы и едва сводит концы с концами.

БЕСКОНЕЧНЫЕ МАНЕВРЫ

Новой ступенью эскалации конфликта стало предание огласке клубом нескольких моих писем, которые я в частном порядке направил в свое время руководству «Барсы» и где признавал свое согласие с удовлетворявшими меня на то время отдельными пунктами наших соглашений. И хотя речь там шла о конкретных вещах, например, об автомобиле или жилье, руководство клуба представляло это как свидетельство полного удовлетворения моих требований и признания мною этого факта.

Пришлось обратиться к моему агенту Хосе Марии Мингелье, чтобы он разоблачил подобные спекуляции. Но душевного спокойствия это не вернуло. Я публично выразил протест. Словом, между мной и «Барсой» возникла сейсмическая угроза. Вскоре после того, как президент покинул госпиталь, последовало новое трехстороннее собрание. Помимо условий контракта я высказал им недовольство использованием меня как игрока левой бровки поля.

Ван Гаал продолжал настаивать, что место игрока на поле определяется тренером. Мы повздорили, и Хосепу Луису Нуньесу пришлось выступить в роли судьи. Вот тут-то он и сказал прямым текстом, что если меня такая позиция не устраивает, то он поможет найти для меня по завершении сезона другой клуб. Я ответил, что не имею ни малейшего желания расставаться с «Барсой». Во-вторых, хотел бы играть там, где моя отдача наиболее эффективна. И, наконец, настаиваю на выполнении условий контракта. Меня не слышали. Похоже, они заранее договорились изгнать Ривалдо из команды. Едва умолкал президент, как тут же брал слово тренер.

Я узнал о том, что они вступили в тайный контакт с «Лацио». Адвокатская контора, представляющая интересы римлян, судя по некоторым документам, предлагала в качестве места встреч Монако. В тех же бумагах значились телефоны обеих сторон и справки, облегчающие переговорный процесс. Но со мной никто со стороны «Лацио» не разговаривал, очевидно, в ожидании окончательного решения «Барселоны».

Ситуация постепенно уходила из-под моего контроля. Никогда с 1991 года, отмеченного вступлением на тропу профессионализма, я не ощущал подобной незащищенности. Я решил еще раз переговорить с Ван Гаалом и убедился, что вопрос о продаже практически решен, остается снять лишь вопросы финансового порядка. Более того, именно в это время мной заинтересовался «Манчестер Юнайтед», однако переговоры с «Лацио», видимо, зашли так далеко, что Ван Гаал стал меня отговаривать от контактов с англичанами. Какие им выдвигались аргументы? Манчестер, говорил голландец, слишком холодный и серый город — неподходящая среда обитания для бразильца. А главное, продолжал он, система игры этого английского клуба трудна для моей адаптации. Впрочем, шутил он, улыбаясь, я не очень-то придаю значение разным там системам.

Для Нуньеса, полагаю, было важно выгодно продать меня, чтобы, освобождая затем президентское кресло, передать преемнику более или менее сбалансированный бюджет. Ошибались те, кто считал его президентство вечным. Я был прав: по окончании сезона он действительно подал в отставку и, поскольку ему не удалась сделка со мной, передал финансы в плачевном состоянии.

Почему план президента «Барсы» и тренера сорвался? Просто так отделаться от Ривалдо они не могли, а спровоцировать меня на проступок, скажем, дисциплинарного характера не удалось. Не услышали они от меня и публичной просьбы подыскать иной клуб. На моей стороне также были симпатии фанов «Барсы», что трудно было не замечать или игнорировать. Семьдесят процентов, считаю, поддержало бы меня, двадцать оказалось бы на стороне Нуньеса, и десять предпочло бы воздержаться.

В Европе существовало и до сих пор бытует убеждение, что бразильцы ищут проблемы там, где

их нет, что они готовы взорваться по любому поводу, даже ими самими спровоцированному. Полагаю, что Нуньес и Ван Гаал отталкивались от этой ложной посыпки. Их ждало разочарование. Вся предыдущая жизнь в футболе научила меня терпеть, сохранять хотя бы видимое спокойствие в самых сложных ситуациях. Я молчал и демонстрировал абсолютное спокойствие.

Дальнейшие события развивались с невероятной быстротой. Недовольство игрока невыполнением условий контракта, его положением в команде возвелось на уровень большой политики и стало рычагом, сместившим президента, с именем которого, и это невозможно отрицать, было связано наибольшее число триумфов «Барсы», и вместе с ним тренера, пожалуй, наиболее профессионального за всю историю клуба. Кроме того, парадоксальным образом, что, впрочем, со мной случалось и раньше, мой лучший сезон совпал с худшим из всех этапов синегранатовой команды.

ИСТОРИЯ НЕЛЮБВИ

Настало время отметить мое отношение к сборной Бразилии. Ее обычно признают образцом игры-спектакля, базирующегося на фантазии не столько режиссеров, сколько исполнителей. Эти качества, несомненно, положительные, столь же очевидно борются внутри с такими негативными моментами, как отсутствие четкой организации и нежелание, а может, и неумение звезд, не только обремененных опытом, но и совсем юных, поступиться собственными интересами. Мои отношения с национальной командой всегда характеризовались как достаточно сложные.

Сегодня мы очень далеки от 1893 года, когда англичанин Чарльз Миллер создал первую футбольную школу в Сан-Паулу, а также от 1921 года, когда тогдашний президент бразильской республики Эпитасио Пессоа потребовал, чтобы сборная формировалась исключительно из футболистов с белой кожей и гладкими волосами. Ушло в прошлое и рождение живущей по сей день эмблемы нашей национальной команды, адаптировавшей национальный флаг Бразилии, где зеленый цвет символизирует сельву, а желтый - минеральные богатства, синий круг небо, а звезды — бразильские штаты.

Вот только в ней необъяснимым образом оказался забыт сам футбол, это естественное романтическое чувство, живущее в каждом жителе нашей страны, а лозунг, начертанный на флаге и эмблеме - «Порядок и прогресс», никак не подходит к нашему футболу. Бразильскому писателю Пауло Коэльо принадлежит фраза: «Бразилия редко обращается к своей истории, потому что, таким образом, старается забыть о своих поражениях». Неудачные моменты в биографии нашей сборной очень быстро растворяются между строк ее биографов. Только это почему-то не происходит, когда касается меня. Лучшие перья с удовольствием вспоминают мои плохие выступления, без устали муссируют мои ошибки. Эти капризы судьбы стоили мне долгих отлучений от сборной, мешали вживанию в ее среду. И мало что приносило желание убедить моих оппонентов, что, надевая желтую майку, я стремлюсь прежде всего защитить их собственные интересы и наши национальные общие цвета.

Бывший игрок сборной Тостао, ныне телевизионный комментатор, сказал: «Ривалдо — единственный способен быть лучшим и худшим игроком мира в одной и той же игре». В комментарии престижной газеты «Folha de Sao Paulo» я прочитал о себе следующее: «Его место на попе никогда не находится в зоне, где задумывается игра». Этим как бы хотели подчеркнуть несоответствие моего игрового мышления с моими действиями. С годами я свыкся с такими мнениями, знаю, что неоднократно давал игрой достойный ответ, однако отношения со сборной всегда страдали недостатком взаимопонимания и сомнениями людей в моей необходимости. В основном, наверное, из-за того, что я северянин и стиль моей жизни и поведение на поле они находят малопривлекательными, о чем я, впрочем, уже упоминал. В юности никогда не призывался в сборные разных возрастов. Меня востребовала только

наша национальная команда. И в этом тоже «виню» мое северное происхождение. Чемпионат, разыгрываемый на севере Бразилии, его участники, качество футбола воспринимаются южанами со снисходительной улыбкой. Футболистов моего региона никто не знает ни по именам, ни в лицо. Они рождаются, играют, исчезают в обстановке полной анонимности. Единственный путь в известность - попасть в какой-нибудь популярный клуб Центра или Юга или проявить себя в общенациональных турнирах. Мое счастье, что я оказался на стадионе в Сан-Паулу и играл в «Коринтиансе» и «Палмейрасе». Не припомню, чтобы какой-то другой игрок из штата Ресифе попадал в сборную, и очень немногие значились в списках лучших игроков страны, ежегодно публикуемых Бразильской конфедерацией футбола. Возможно, и меня никто бы не знал, если бы я не расстался в свое время с моими первыми командами — «Санта-Круз» и «Моджи Мирим».

Первый раз меня призвали в сборную в двадцать один год. Дебютом это не назовешь, потому что в том матче в Кельне против сборной Германии я не сыграл ни одной минуты, прочувствовав все минусы сидения на скамейке, да еще в нестерпимо холодную погоду. Однако, продрогнув, я загорелся мыслью доказать, что человек Севера тоже чего-то стоит.

Позднее, когда был признан лучшим футболистом планеты, попытался с высоты своего положения восстать против подхода к игрокам, принятого нашей Конфедерацией. И вновь ничего не добился. В ответ я лишь услышал, что мои рассуждения не имеют ничего общего с футболом.

Я никогда не завидовал ни Ромарио, ни Рональдо, мы всегда оставались хорошими друзьями, считал и считаю, что они заслужили свою славу. Но столь же заслуженно, наверное, занял и я в «Барселоне» место, которое прежде принадлежало им, не менее заслуженно получил тот же титул лучшего игрока в мировом футболе. Это признают все, но не хотят признавать на моей родине. Прекрасно осознаю, что виной тому мое происхождение, а не скромный образ жизни и бедность моей семьи. Виноват лишь северо-восточный штат Ресифе, где я появился на свет.

Когда приз получил Ромарио, а за ним Рональдо, бразильские журналисты прилетели через океан немедленно взять у них интервью. Со мной ничего подобного не произошло. Поэтому и сегодня цель Ривалдо-звезды та же, что и у Ривалдо-«деревянной ноги», как звали меня в детстве, — добиться признания в моей собственной стране.

Каждый раз, надевая майку сборной, я чувствовал, будто прохожу испытания и что мои экзаменаторы — это и тренеры, и партнеры, и многие тысячи зрителей. И если что-то не получалось, то ощущал вину. Наиболее остро — в двух худших соприкосновениях — на чемпионате мира 1994 года и на Олимпийских играх 1996 года, в меньшей степени — на чемпионате мира 1998 года.

КРАХ ИЛЛЮЗИЙ

На чемпионат мира 1994 года в Соединенные Штаты я не попал из-за одной злополучной игры. Пресса на этот раз была на моей стороне, неоднократно писалось, что сборная Бразилии — это Ривалдо плюс еще двадцать один игрок. Всеобщее позитивное внимание к моей персоне — случай исключительный. И я поверил, что место мне гарантировано. Появилось совершенно неведомое мне ранее ощущение — надежды и радости, не самоуверенности, а счастья от совпадения мнений у тех, которые прежде не связывали с моим именем ничего хорошего. Дебаты велись лишь вокруг того, какая позиция подойдет мне более всего.

Последовавшие контрольные матчи игры лишь подтвердили мое право войти в основной состав команды. В том числе я весьма успешно провел второй тайм против очень неудобного для нас соперника — сборной Аргентины. По счастью, эта игра проводилась в Ресифе, и мне весьма помогла поддержка родных и близких, сидевших на местах для почетных гостей.

Казалось, все экзамены сданы и остается только искупаться в лучах славы на предстоящем

мундиале. Гром грянул среди совершенно ясного неба, словно неожиданно на последнем экзамене мне достался вопрос на тему, которую мы не проходили. На самом деле все решилось несколько недель спустя во Франции, где нам противостояла сборная Парижа в форме «Пари Сен-Жермена». Как правило, сборная Бразилии в таких играх не очень-то напрягалась. В качестве спаррингов выбирались команды в основном средней руки с целью наиграть основных футболистов и укрепить в них необходимую веру в собственные силы. Поэтому никак не пойму, почему ветер, дувший мне в спину, внезапно поменял направление в противоположную сторону. Тем не менее фраза — «сборная Бразилии — это Ривалдо плюс двадцать один человек» исчезла, как утренний туман. Освободившиеся места в сборной заняли вчерашние запасные игроки. Я же получил еще одно доказательство несправедливости, сопутствующей мне на протяжении всей жизни.

Можно бесконечно сетовать на небрежность, допущенную мной в злополучном матче с французами, но нельзя пройти мимо политических игр, которые постоянно ведутся в бразильском спорте и со всей очевидностью затрагивают футбол и футболистов. Чисто спортивные принципы в редких случаях играют решающую роль, уступая место доводам совсем иного рода. В данном случае я для всех оставался представителем нефутбольного северо-востока Бразилии. Да, играл за «Коринтианс», но на правах аренды в «Моджи Мирым» - клубе, который не пользовался никакой поддержкой у влиятельных южан и не был способен замолвить словечко за своего футболиста в Бразильской конфедерации спорта. Даже те, кто называл меня первым номером сборной, в критический момент прикусили языки и не подвергли сомнению решение руководства и тренеров. Самолет вылетел в Соединенные Штаты без пассажира, который более других рассчитывал получить билет участника чемпионата мира-94.

ХУДШИЙ МОМЕНТ: ИГРЫ В АТЛАНТЕ

На возвращение в сборную потребовался целый год. И снова критика связала с моим именем прилагательное - «незаменимый». Только теперь, по мере приближения цели — Олимпийских игр 1996 года в Атланте, необходимость Ривалдо подтверждалась все более определенно. Голоса противников потерялись в кампании поддержки моей кандидатуры.

Все же нельзя сказать, что полемика отсутствовала полностью. Бразилия, как и другие олимпийские команды, могла быть представлена лишь тремя футболистами старше двадцати трех лет. Я был первым в этом списке. Напомню, что в то время я выступал за «Палмейрас» и пресса признала меня лучшим футболистом Бразилии. Селекционеры вторую вакансию отдавали Бебето, а на третью наибольшие шансы были у защитника Алдаира. Однако многим хотелось видеть в этой тройке ветерана Ромарио, и потому значительная часть зрителей, собиравшихся на наши тренировки и игры, приходила не в желтых майках сборной, а в полосатых с красными и черными цветами «Фламенго» — клуба, которому принадлежал Ромарио.

В итоге Алдаир все же вытеснил Ромарио. Загало подменял меня на каждой игре. Возможно, давление, которое испытывал тренер, и вынудило его оставить меня на скамейке перед выходом команды на полуфинальный матч со сборной Нигерии. О, если бы этим ограничились мои беды!

Меня выпустили во втором тайме при счете 3:1 с установкой подержать мяч, чтобы сохранить победный результат. Однако при первом же касании я потерял его в центре поля, что послужило началом контратаки противника, приведшей ко второму голу в наши ворота. С этого момента нигерийцы стали прессинговать и на последней минуте сравняли счет. В дополнительное время они вышли вперед — 4:3 и выбили нашу сборную.

В несколько минут для всех соотечественников я превратился в чудовище, виновное в провале футбола моей страны. Говорилось и писалось, что Бразилия потеряла «золото» по вине Ривалдо. Меня признали единственным виновником поражения, поскольку

«бронза» — честь для кого угодно, для бразильцев — позор. Загало подтвердил, что меня взяли в сборную как лучшего в стране, но что я не оправдал ожиданий, слишком часто ошибался, излишне рисковал, увлекался участием в атаках и не выполнял указания тренеров относительно игры в обороне.

Ощущение было такое, что на мне поставили крест. Пропустив в финал нигерийцев, сборная Бразилии провела утешительный матч с португальцами, победила 5:0, но меня на поле не выпустили. Когда закончилась встреча, телекамеры ухватили момент: у кромки поля я подхожу к тренеру и что-то говорю. План был настолько обычный и быстротечный, что только один мой друг и успел запечатлеть его в памяти. Потом мы вернулись к этому эпизоду, я пояснил, что попросил у Загало извинения за мои ошибки, хотя и не считал, что именно они привели к фатальному результату. Загало как бы согласился, однако еще на год двери сборной оказались для меня закрытыми. Со своей стороны, я никак не напоминал ему о себе, хотя сердцем отвергал приговор.

По возвращении в Бразилию я убедился, что в Соединенных Штатах до меня дошла только капля критики. Дома в ней изощрялись даже те, кто прежде назывался друзьями или, во всяком случае, поклонниками. Страшно было выходить на улицу. В устроенном одной из газет Сан-Паулу опросе, кто был худшим футболистом в нашей сборной на Олимпийских играх, против меня подали голоса 33 процента опрошенных, идущему следом Апдаиру досталось всего 7 процентов, 4 процента получил Роберто Карлос, сотворивший автогол во встрече с нигерийцами, Жуниньо и вратарь Дида. Этот акт недоверия ускорил решение покинуть Бразилию и принять предложение «Депортиво».

Каждая последующая игра сборной Бразилии болью отзывалась в моем сердце, тем более что средства массовой информации не переставали сыпать соль на раны. Отмечалось также, что Загало — персона, склонная к фетишизму, и стремится избегать всего, что однажды принесло ему несчастье, а наоборот, доверяет добрым предзнаменованиям. Так или иначе, меня не пригласили на Кубок Америки, проводившийся в Боливии в 1997 году, несмотря на то, что я был признан лучшим легионером в испанской лиге, опередив тогда игравшего в «Барселоне» Рональде с его 34 забитыми в чемпионате Испании мячами. Журналисты Ла Коруньи недоумевали по этому поводу, задавая вопрос, в чем же я так провинился, если в сборную привлекают бразильцев, играющих во втором дивизионе испанского первенства. В действительности список кандидатов в национальную команду переваливал за сотню, отчего у самого Марио Загало возникали серьезные проблемы. Намекали, что он получает коммиссионные. Лично я никогда не сомневался в честности этого человека и тренера.

Не сомневаюсь также, что обстоятельства отлучения от сборной способствовали формированию меня как личности и как футболиста. Во-первых, само участие в Играх — очень позитивный опыт, и я это очень скоро ощутил. А что касается болей и обид, то к ним я привык с детства. Тем не менее Олимпийские игры в Атланте до сих пор переживаются мной как самый горький опыт в моей футбольной карьере.

МИРОВОЙ ЧЕМПИОНАТ

Перед чемпионатом мира-98 Загало сменил гнев на милость. Удивительно, но мне дали майку с номером 10, овеванную самой громкой славой в истории бразильского футбола, майку, которую прославил Пеле. «Десятка» обязывала выходить на новый уровень игры. Ведь я вновь оказался в центре внимания, да еще какого!

Легендарный номер и помогал, и сковывал. В целом этот чемпионат сложился для меня удачно. Я выходил на поле во всех встречах, моя игра получила высокую оценку. И если бы

нам удалось победить команду Франции, то, наверное, Ривалдо был бы признан лучшим игроком первенства мира. Но мечта испарилась, и я довольствовался пятым местом в мировой классификации.

Вернусь к легендарной майке. Наверное, другой, получив ее, организовал бы пресс-конференцию или провел серию фотосъемок, облачившись, как говорят в Бразилии, в *manto sagrado*, то есть в священную тогу. Но я подумал: а что сказал бы мой отец Ромилдо? Позерства он не потерпел бы.

Конечно, меня переполняла гордость, однако внешне я остался таким же неулыбчивым и молчаливым, внутренне убежденным, что я не посрамлю заветную футболку, потому что умею играть, и что лучше слов даст ответ моя игра.

Скажу больше: едва Бразилия вступила в чемпионат, как я забыл о номере на майке и обо всем, что с этим связано. Вообще-то для игрока номер, под которым он выходит на поле, особого значения не имеет. Игра получается хорошей или плохой совсем по другим причинам, так и остающимся неизвестными. Успех или провал зависят не от легенд, а от мастерства. Ни один профессионал не в состоянии скопировать игру того, кого признавали легендой. Необходимо лишь продемонстрировать в полной мере, на что ты сам способен, и будешь оценен и признан. О себе скажу, что Ривалдо выходит на поле «Мараканы» так же трепетно, как на тренировочное поле, не ощущая бремени славы.

В любом случае история с бременем магического номера лишилась всяких оснований после финала, разыгранного во Франции, и событий того последнего вечера чемпионата мира. Хотя во всем мире, и особенно в моей стране, спортивное поражение Бразилии приписывается переживаниям, вызванным состоянием здоровья Рональде, считаю, что матч мы проиграли, потому что всего-навсего плохо провели встречу, возможно, худшую на всем мундиале. Повторяю, поражение стало следствием плохой игры, а ни в коем случае не состоянием нашего товарища. Не случись с ним тот недуг, мы все равно проиграли бы в аналогичной манере. Просто в тот день Франция должна была стать чемпионом мира, и больше ничего тут не скажешь. Может, только то, что Бразилия захромала еще перед вступлением в турнир из-за травмы Ромарио и решения тренера отлучить его от команды. После нашего поражения в финале один из членов сборной сделал интересное признание. По его словам, когда Загало отправлял Ромарио в Рио-де-Жанейро, он подумал: "Значит, Богу угодно, чтобы Бразилия не стала чемпионом на этом мундиале". Повторю, что только слепое желание бразильцев хоть как-то оправдать провал в финале зациклилось на Рональдо и его болезненном состоянии. Конечно, все мы, игроки, чрезвычайно обеспокоились тем, что происходило до игры в его гостиничном номере, но, когда выходили на поле, никто не думал об этом. Кроме того, Рональде занял место в основном составе, а значит, его самочувствие в наших глазах считалось удовлетворительным.

Тем не менее не могу умолчать, что увиденное мной в номере Рональде было зрелищем не для слабонервных. Он лежал, его трясло, это были очень сильные конвульсии, врачи нервничали, некоторые игроки плакали, стоял шум, в котором приказы медиков и рекомендации руководителей смешивались с возгласами сочувствия и отчаяния. Я смог вынести это зрелище только пять минут, потом ушел и закрылся в своей комнате.

На эту тему существует множество версий. Я изложу свое мнение. По словам Марио Загало, сказанным им в автобусе по дороге на стадион, Рональдо, которого отправили в госпиталь, в состав не планировался. Его место отдавалось Эдмундо. Тренер, очевидно, чтобы нас успокоить, заметил, что прежде замены подобного рода нередко являли миру ярчайших звезд. Дебютанты выходили на поле и совершали чудо. Эдмундо слушал и кивал в знак понимания.

Мы приехали. Все проходило, как обычно. Потоптались на газоне, чтобы проверить его состояние, обменялись парой слов друг с другом и отправились переодеваться. Примерно за десять минут до выхода на поле в раздевалке появился Рональдо. Так случилось, что я первым увидел его в дверях, он направился в мою сторону, поскольку его шкафчик и место под номером 9 - это рядом с моим номером 10. Не успел Рональдо раздеться, как подошел врач сборной и сказал, что прежде всего ему надо поговорить с тренером. Еще несколько минут ушло на разговор с Марио Загало в соседней комнате, после чего Рональдо надел форму.

Пришел Загало, подсел к Эдмундо и сообщил ему, что в основном составе он не выйдет. От нас не скрылось очевидное изменение в лице игрока, который уже видел себя в финальном бою чемпионата мира. В 19.48 его имя еще значилось в составе, представленном прессе на стадионе «Стад де Франс». В 20.18 в окончательном списке одиннадцати титульных игроков вместо Эдмундо появился Рональдо.

Этот вечер постоянных разочарований оставлял впечатление, что Бразилия сама подарила французам заветный трофей, предоставив им полную свободу действий в середине поля. И как всегда происходит, когда победители празднуют викторию, побежденные ищут объяснения. Первое, что пришло мне в голову, — великий шанс упущен, и вряд ли я получу новую возможность, потому что появятся молодые игроки и вытеснят меня из сборной. А успокаивал себя тем, что обрел опыт и что если это поможет улучшить мою игру, то от сборной меня не отлучат. Возможно, так думали и другие игроки, плакавшие прямо на поле. Я не плакал, потому что не привык, а присел на лестницу возле бразильской скамейки, наблюдал за происходящим и перебрасывался тривиальными фразами с соотечественниками.

Горю не было конца, перед матчем я свято верил, что мы выиграем финал и станем чемпионами мира. В нас жило убеждение, что мы значительно сильнее французов. На протяжении всего турнира они не показывали хорошей игры, и хотя ветер дул им в паруса, в финал они вышли с большим трудом. Мы посчитали, к великому сожалению, ошибочно, что их проблемы станут нашим козырем в достижении чемпионского титула в пятый раз.

Позже я познал триумф в рядах сборной на Кубке Америки 1999 года и вновь стал столь же признанным, сколь и критикуемым игроком, только теперь эти колебания в оценках не вызывали во мне прежней болезненной реакции. Я как-то смирился с мыслью, что ничто не вечно, что мой возраст постепенно удаляет меня от больших побед. Не скажу, что от этого ощущал упадок сил. Напротив, я старался играть лучше и доказывать свою необходимость.

ЛУЧШИЙ В МИРЕ

Все мои эмоциональные и чисто футбольные усилия на протяжении долгой жизни в этой игре в итоге оказались компенсированы в 1999 году. Я получил все мыслимые индивидуальные трофеи: звание лучшего футболиста в мире, присуждаемое ФИФА, «Золотой мяч» журнала «Франс Футбол», трофей «Одиннадцать золотых» как игрок года по опросам английского издания «Уорлд соккер» и признание как лучший ибероамериканский футболист в испанской Лиге.

Известны игроки, лауреаты разных лет, посчитавшие адресованные им почести как такое же нормальное явление, как одевание бутс перед выходом на поле или участие в надоевших пресс-конференциях после игры. Я реагировал на награды, как подлинный любитель. Для меня эти признания были чем-то совершенно новым, резко контрастирующим с тем, что довелось мне испытать на длинном жизненном пути.

Хронологически первым пришло известие о «Золотом мяче». Вручение намечалось на траве барселонского стадиона «Ноу Камп», и я задумался, как сделать этот праздник общим для всей моей сине-гранатовой семьи. И придумал: заказал у знакомого ювелира в Ла Корунье шестьдесят значков — дощечки с маленьким золотым мячом в центре, а также с надписью-благодарностью тем, кто меня поддерживал. Значки я вручил руководителям, товарищам по команде, обслуживающему персоналу. Таким образом, их получили все, включая президента клуба Хосепа Луиса Нуньеса и тренера Луиса ван Гаала. Я победил с большим отрывом. 219 очков — у меня, 154 — у футболиста «Манчестер Юнайтед» Дэвида Бекхэма и 64 — у нападающего киевского «Динамо» Андрея Шевченко. Однако следовало дожидаться вердикта ФИФА, чтобы определить, насколько объективен был опрос «Франс Футбола». И вот он объявлен. Я не только сохранил первое место, но и увеличил отрыв от преследователей, набрав 543 очка. 194 получил Бекхэм, 79 — Габриэль Батистута, аргентинский форвард, выступавший за «Фиорентину». В деталях это выглядело так: меня поставил первым 91 тренер, 18 проголо-

совали за британца и 5 — за аргентинца. Невзирая на прогнозы в пользу Бекхэма, чья команда выиграла в том году Лигу чемпионов, Межконтинентальный кубок и английскую лигу, я был признан самой большой звездой сезона.

НЕРВЫ НОВИЧКА

Настал момент гала-вечера, организуемого ежегодно ФИФА для объявления лучшего футболиста планеты. Потом на торжественном ужине, сидя за одним столом с президентом Международной федерации Йозефом Блаттером, я признался, что не испытывал подобного волнения на поле и что лучшие в жизни моменты футболист, оказывается, переживает вовсе не на газоне, на котором совершается его работа, не тогда, когда посланный им мяч попадает в ворота, а вот в такое мгновение.

"Золотой мяч" — престижный трофей, но это лишь признание в Европе. Выбор ФИФА — несомненно, более значимый.

Пока длились секунды экранного времени, вместившего некоторые мои голы, я на подиуме, как в волшебном сне, прокрутил годы жизни, увидел моего отца Ромилдо, предвещавшего мне большую футбольную будущность, дорогу с севера Бразилии на юг страны, а затем в Европу. Увидел то, ради чего писалась эта книга. Чтобы и другие могли почувствовать, какой путь предстоит проделать футболисту, чтобы достичь славы, какие препятствия преодолеть.

Но вот закончился этот великолепный сезон и начался новый этап, несомненно, превративший меня в объект повышенного внимания говорящей, пишущей и снимающей братии. Я ощутил это сразу же после банкета. Толпа интервьюеров окружила словами лести игрока, которому, наверное, никогда не суждено полностью убедить их в своей правоте.

Мне самому захотелось высказаться. Поэтому я пригласил мною избранного журналиста Давида Эспинара в мой гостиничный номер. Перво-наперво принял душ, смыл напряжение, но не эмоции. Мы проговорили до пяти утра, договорились о дальнейшем сотрудничестве с целью написания книги. Потом я сумел еще поговорить с женой, матерью и братьями. От них я узнал, что земляки устроили карнавал возле нашего дома. От этих разговоров мои коленки вновь задрожали, как на подиуме во время получения приза.

ГРУЗ ИЗВЕСТНОСТИ

Если первые главы этих заметок содержали большую долю пессимизма, то в заключение хотелось бы предоставить место надежде. Ведь для множества безымянных футболистов Ривалдо — это их сон, трансформировавшийся в действительность.

На следующий год на вручении премий ФИФА за сезон-2000 я занял третье место вслед за французом Зинедином Зиданом и португальцем Луишем Фигу. Но даже оказавшись в стороне от прошлогодней помпы, я почувствовал себя счастливым. Все-таки я скорее создан для домашнего очага, чем для шума пресс-центров. Однако не избежал рассказа о некоторых публичных акциях больше по настоянию моего друга Давида, чем по собственному желанию.

Я не сторонник распространяться относительно своих дел вне территорий игры. По этой причине не устраивал никаких презентаций в связи с основанием своего фонда. Он существует реально, то есть действует. Его цель изложена в официальном документе, вторая статья которого гласит: «Фонд ставит задачей помочь наиболее нуждающимся детям Каталонии, остальной части государства Испании и Федеративной республики Бразилии, а также содействия им в общеобразовательном, культурном и спортивном формировании». И далее: «...помощь и польза, оказываемые фондом своим пользователям, может предоставляться напрямую, а также через посредничество неправительственных организаций, ставящих задачи защиты и помощи малолетним».

Фондом Ривалдо, например, в Бразилии распространено сотни продуктовых корзин, способных помочь нуждающимся семьям в течение нескольких недель, асфальтировано несколько улиц в бедных, лишенных всяческих удобств кварталах. Именно в таких местах рос ребенком Ривалдо, пока автобус не увез его на стадион, где он сделал первые шаги в профессиональном футболе. Очень хочется, чтобы такие шаги смогли сделать десятки способных мальчишек. С этой целью вместе с игроком сборной Сезаром Сампайо мы создали клуб «Гуаратингета», заботящийся о воспитании и росте юных футболистов округа.

Это малая часть того, чем я занимаюсь вне поля постоянно или спонтанно, но всегда избегая широкой огласки. Вообще мои контракты по рекламе весьма незначительны. Наиболее известный проект, с которым связывают мое имя, это реклама напитка на базе какао. Но там в качестве главного действующего лица выступает мой сын Ривалдиньо. Это он раздает автографы, еще не научившись писать, и хотя отец переполнен гордостью за артистические способности сына, я настоял убрать эту рекламу, чтобы малыш рос в обстановке скромности и чтобы его воспитание шло привычными для других детей путями.

Таковы нелегкие отношения, которые я поддерживаю в футбольном окружении в том виде спорта, который мой отец вложил в мою маленькую голову в семье бедной, но единой и который лег в основу моей сложной жизни. Жизни, в которой мне довелось испытать много негативного и много позитивного, при том, что последнее обычно заставляло себя долго ждать. Что касается переживаний, неудач, выпавших на долю Ривалдо, то из самых больших поражений можно извлечь уроки, очень важные для будущих успехов.

Когда на очередном гала-представлении ФИФА я потерял титул лучшего футболиста планеты, в голову приходили грустные мысли. Но я постарался успокоить себя тем, что, возможно, еще поприсутствую на следующих таких великолепных праздниках спорта, где однажды мир уже удостоил максимальных почестей того, кто из полуголодного ребенка по прозвищу Патапало — «деревянная нога» магией футбола превратился в «золотую левшу».

Перевод Льва КОСТАНЯНА.
«Футбол», 2002 год